

Ася Филатова

Под тем же солнцем

*Все персонажи вымышлены,
совпадения случайны.*

*Kiss while your lips are still red
While he's still silent
Rest while bosom is still untouched,
unveiled
Hold another hand while the hand's still
without a tool
Drown into eyes while they're still blind
Love while the night still hides the
withering dawn*

Nightwish[1]

— Солнце заходит, — заметил старик Ясу, неторопливо и степенно попыхивая трубкой, — для кого в первый раз, а для иных, кто знает, может, и в последний.

Рин и Тиану, похожие в свете заката, как единокровные брат и сестра, замороженно смотрели на оранжевый раскаленный диск, уже наполовину погружившийся в самое сердце океана. Тиану первым отвел взгляд от огненной красной дорожки, разделившей большую воду на две равные части.

— Ясу, ты ведь все знаешь, — нарочито серьезным тоном начал юноша и, не удержавшись, заговорщицки подмигнул Рин. Девушка, впрочем, все еще была поглощена созерцанием горизонта. — Объясни мне, непосвященному, почему закат так богат красками, так пышен и ярок, а рассвет, напротив, бледен и прост? Неужто для богов закат важнее рассвета?...

Ясу усмехнулся и покачал седою головой.

— Рассвет чист. Пока ты еще слишком молод, но придет время, и ты поймешь, что для тебя важнее — роскошь или простота. Впрочем, — старик хитро сощурился и подмигнул Тиану, — каждому свое.

Йавар стоял чуть поодаль и также щурясь, как и Рин с Тиану, провожал взглядом гаснущее солнце.

— Закат — это итог долгого дня, награда за труд, за волю и веру, — задумчиво произнес молодой человек, — и я не вижу причин, почему рассвет должен быть красивей и ярче.

— Мне все же больше нравится рассвет, — подала негромкий голос Рин, по-прежнему не отрывая глаз от океана, — начало всегда лучше конца. Закат может быть в тысячу раз прекраснее и пышнее, но за ним неотъемлемо следует тьма... Нам пора возвращаться.

Глава 1. Наше время. Март. Арина

«Бывают же такие дни, — размышляла Арина, шагая привычной дорогой к метро, — ну ничего хорошего в жизни. Еще и погода отвратительная. Было бы уж что-нибудь одно — либо дождь, либо снег, а это чехарда какая-то. Никакого порядка на свете».

Как бы в подтверждение тут же на нос ей шлепнулась большущая дождевая капля. Арина надела капюшон и отгородилась от всего мира полосатым зонтиком.

На первый взгляд, да и на все последующие, Арина Литвинова мало чем отличалась от большинства своих сверстниц. Симпатичная, худенькая студентка третьего курса, длинные волосы не очень внятного цвета, с вкраплением золотистых прядок, которые летом выгорали и становились чуть светлее. Джинсы, толстый свитер с горлом, синяя куртка. Вообще-то, на носу апрель, но природа явно об этом не подумала. Видимо, были у нее дела поважнее, чем забота о настроении и самочувствии тоненькой девушки, храбро шагающей по лужам на учебу. Арине казалось, стоит солнцу выглянуть, все ее печали сами собой развеются и все снова станет хорошо. Глупо страдать, когда на улице весна, тепло и радостно. По сути, у нее не было причин предаваться

тягостным думам уже целую неделю. В прошлую пятницу они с Олегом все выяснили, точки над «і» поставили и решили «остаться друзьями». Со дня их знакомства прошел длинный-предлинный год, и теперь нужно было начинать все заново. Столько всего произошло, а в результате осталось только щемящее ощущение тоски и одиночества. Конечно, все живы и здоровы, и это, как говорит Аринина бабушка, самое главное. Получили порцию жизненного опыта, вон Олег даже машину новую купил. При мысли о машине Арина закусил губу. Впервые увидев приобретение Олега, она остро почувствовала себя лишней в их компании. «Не монтируюсь я с этой машиной», — сказала она тогда подруге Але, хотя, казалось бы, о расставании тогда никто не думал. А ведь и правда, не сложилось. Теперь страничку нужно было переворачивать, да поскорее, пока унылое состояние души не переросло в настоящую депрессию. Все ведь ерунда, по большому счету. Кроме мировой революции. И то, что она Олегу больше не нужна, это ведь не самое страшное, особенно если рассматривать это во вселенском масштабе, правда?... Арина прекрасно понимала, дело только за временем. Месяц, два, может, полгода. И все пройдет вместе с ним. Забудутся обиды, переживания, и горькие слезы в подушку покажутся нелепыми и смешными. Время, время...

Но ему надо обязательно помочь. Сердечная драма отнимает неприлично много времени и очень мешает жить, особенно когда объект недавних треволнений постоянно крутится под носом. Больше всего Арину раздражал тот факт, что она, оказывается, в принципе способна на подобный идиотизм. Периодически девушка ловила себя на мысли, что у нее нечто похожее на раздвоение личности: одна часть Арины Литвиновой мучилась и ныла, как выдранный с особым садизмом зуб, а вторая с удивлением за всем этим наблюдала. Пока восстановить целостность сознания или хотя бы слегка образумить первую ноющую половину не удавалось, но Арина каждый день над этим работала.

Физически ощущая, что уже который месяц топчется на месте, Арина методично искала лазейку из порочного круга. Постоянный анализ утопических мыслей, планомерное перестроение сознания и неусыпный контроль собственного нестабильного настроения становились постепенно ее второй натурой. Все ее метания, стремления, переживания и прочая дребедень на данный временной момент явно полностью себя изжили. Нет никакого движения вперед, она как будто остановилась в развитии. Стоит себе двумя копытами в унылом болоте и все глубже в нем вязнет. Пора выбираться, факт. А любовь... Ну, что

любовь. Наверное, эта история и вовсе не про нее. Но такие отношения, какие были с Олегом, Арине точно не нужны, и это она поняла совершенно отчетливо.

Арина как раз собиралась форсировать самую большую лужу из встреченных на пути, когда на нее кто-то налетел, двинув собственным зонтом. Справедливости ради стоит отметить, что Арина была виновата сама, ибо упорно не желала смотреть вперед, в результате чего во время своего путешествия к метро успела пнуть пару-тройку ни в чем не повинных граждан.

Молодой человек метнул на Арину веселый взгляд, совершенно не соответствующий погоде, выудил ее из лужи и, искренне извинившись, исчез под черным зонтиком.

Вроде бы ничего не изменилось, но она уже не чувствовала себя такой одинокой в этом мокром, промозгом мире. Арина нырнула в метро и на сорок минут погрузилась в чтение лекции по истории, которую поленилась перечитать дома.

* * *

Его машина, разумеется, уже была на месте. Олег никогда не опаздывал, правда, вполне мог пропустить лекцию-другую, но уж если делал

что-то, то только «как надо». Даже прогуливал. По счастью, самого Олега в машине не было, наверное, пошел выпить кофе перед учебой. Парковка была полной, студенты плотным потоком вливались в открытые двери главного корпуса института.

Через несколько машин от Олеговой гордости, возле золотистого «Фольксвагена» стоял молодой человек в короткой кожаной куртке с поднятым воротником и мученическим выражением на лице. Во взъерошенных волосах блестели капельки дождя. В руке парень держал пачку сигарет, и, похоже, его мучения были связаны именно с ней. Парень покрутил пачку и так и сяк, взглянул на Арину и почему-то виновато улыбнулся. Едва начатая пачка полетела в урну для мусора.

— Я же не курю, — пробормотал молодой человек.

Арина невольно улыбнулась. Самовнушением она тоже занималась довольно часто. «Я не ем сладкого», «Мне не нужен Олег», «У меня все будет хорошо», «Завтра я начну делать зарядку» и тому подобные установки регулярно пытались пробиться в ее подсознание. Увы, по большей части безуспешно.

Некурящий молодой человек обогнал ее и нырнул под институтский козырек.

«Приятный парень, — автоматически отметила Арина, и тут же с тоской покосилась в

сторону Олеговой «Митсубиси». — Боже, да когда же наступит то счастливое время, и меня перестанет трясти хотя бы при виде его машины?...».

Если бы в этот момент Арине кто-нибудь сказал, что такое время наступит буквально со дня на день, она бы страшно удивилась. И, конечно же, не поверила. Арина сложила мокрый зонт, брезгливо затолкала его в полиэтиленовый пакет и поспешила в аудиторию.

* * *

В классе все уже были на местах, Аринина подруга Аля с мечтательным выражением на лице смотрела в окно. Арина скинула с плеча сумку и уселась рядом.

Полное имя у Али — Алина, но, поскольку «Алина» и «Арина» весьма близки по звучанию, а если попадается какой собеседник с дефектами речи, так и вовсе одинаковые, Аля предпочитала сокращенный вариант, чтобы не пугаться. Аля была очень хрупкая и маленькая, настоящая бабочка или даже мотылек. Так и тянет проткнуть булавкой и засушить. Хрупкий стебелек грозил переломиться когда-нибудь, копна темно-каштановых кудрей на тонкой шее обязательно перевесит. У Али огромные серые глаза и почти прозрачная кожа. Арина тоже была довольно мелкой, но все-таки не

настолько, и рядом с Алей ей удавалось почувствовать себя крупной человеческой особью, а не гномом, как обычно.

— Как оно? — коротко поинтересовалась всем на свете подруга.

— Терпимо, — буркнула Арина, доставая тетрадку и ручку, и обратила внимание на отсутствие преподавателя: — А где товарищ Кулов? Может, заболел?

— Курит, наверное, — отозвалась Аля, — я его с утра видела, так что, увы.

— Учиться совсем не хочется, — посетовала Арина, подперев голову рукой и глядя в промозглую серость за окном, — и на улице мерзко.

— Да? А мне показалось, ничего погодка... Освежает.

Арина хмыкнула.

— Тебе надо было родиться в Англии, там, говорят, почти всегда так. Когда поедем в Пушкинский? Может, в субботу?

— Ой, не знаю, — сконфузилась Аля и потеряла веснушчатый нос, — меня Эдик позвал в выходные на дачу, они семьей едут...

— Ясно.

Арина вздохнула. Эдуард Костылевич — парень из соседней группы, долговязый, рассеянный, но в целом симпатичный, с первого курса таранился на Алю с выражением угрюмой

безнадежности и, наконец, в прошлом семестре решил подойти и познакомиться. Оказавшись на удивление приятным и ненавязчивым, Эдик за недолгое время прочно утвердился в качестве близкого друга Алины, к немалому удивлению последней.

Пока Арина тонула в собственных сомнениях и горестях по поводу рушащихся отношений с Олегом, Аля расцветала в обожании и заботе, которой ее окружил новоявленный кавалер. Алю немного смущал диссонанс настроений с подругой, она искренне переживала за Аринин душевный разлад, принимая близко к сердцу каждый новый поворот в их мелодраме. Самой Але Олег Евстифеев страшно не нравился.

— Видела его?

Арина безнадежно отмахнулась.

— Нет. Только машину, к счастью.

Наконец в аудиторию влетел запыхавшийся преподаватель, и обе девушки с обреченным вздохом уставились на доску. Впереди их ожидали бесконечно долгие четыре пары, нужно запастись терпением. Потом храм науки выпустит их на волю, и Арина снова будет думать о своем или просто отдыхать и созерцать окружающий мир, не допуская в голову ненужные мысли. Возможно, сегодня ей даже повезет, и вечером его машины уже не будет на стоянке, не придется вжимать

голову в плечи, ускоряя шаг, и кусать губы.

За окном был март и чудовищный холод.

* * *

Алый комок, казалось, еще бился в окровавленных руках жреца, в то время как тело уже уволокли и разделали ритуальными ножами, содрав шкуру и отделив голову. С пальцев служителя срывались крупные капли, тяжело падали вниз и растекались по камням. Глухие удары барабанов смешивались с невнятным клекотом, означавшим кульминацию — слова обращения верховного жреца к богу Кукулькану. Церемония завершалась воззванием принять подношение, и вот наконец сердце бросили на жертвенное блюдо.

Выбравшись из толпы, Тиану осмотрелся. Рин нигде не было видно. Тиану последний раз бросил взгляд на алтарь, залитый свежей кровью, и, нахмурившись, отправился на поиски девушки.

На тропе и в их секретном месте Рин не оказалось, и Тиану вышел к родной деревне. Солнце нещадно заливало ветхие хижины, кругом не было ни души.

Щурясь от яркого солнца, Тиану искал глазами Рин. Если девушки нет и здесь, придется идти к реке. По счастью, вдалеке,

возле старого дерева с изъеденной временем корой, он заметил сторбленную фигурку.

Рин сидела прямо на земле, обхватив голову руками. Голос ее прозвучал глухо, Тиану наклонился, а потом и вовсе опустился рядом с ней на выжженную солнцем сухую землю.

— Я не могу больше смотреть на это... Неужели это никогда не кончится?? Дождя все нет, но долго еще мы будет увлажнять наши земли только кровью?... Сколько еще захотят боги?...

Тиану осторожно коснулся плеча девушки и легонько потряс ее.

— Столько, сколько им еще решат дать наши жрецы...

Рин опешила.

— Жрецы? А как же боги?...

Тиану покачал головой.

— Богам не нужна кровь. Крови хотят люди.

Рин подняла голову и удивленно посмотрела на юношу. Прищурив глаза, Тиану смотрел вдаль.

— Ты говоришь странные вещи... Ты утратил веру?

На лицо Тиану легла тень.

— Вовсе нет.

— Тогда почему ты так говоришь?

— Потому что я не верю нынешним

жрецам. Они забыли о своем истинном предназначении и слишком увлечены своими так называемыми обязанностями. Их влечет власть, а этого быть не должно.

— Но так было всегда...

— Нет, не всегда. Спроси Ясу, он многое повидал... Все может быть совсем по-другому, в это я верю.

* * *

Йавара рвало. Перед глазами плыли кроваво-красные круги, в голове нарастала и лопалась тягучая, зудящая боль, внутренности его скручивались, сжимались и тут же выворачивались наизнанку. Становилось легче, но лишь на короткие мгновения. Измученное тело молодого человека давало небольшую передышку, и тогда с хрипом легкие наполнялись наконец сухим горячим воздухом, но едва они успевали это сделать, как накатывал новый спазм. И снова начинался ад.

Тиану стоял рядом, и безуспешно пытался убедить Йавара выпить воды, в руках он держал наполненную наполовину плошку.

Упершись руками в колени, Йавар раскачивался взад и вперед. Боль в голове утихала, но силы покинули его. Язык плохо слушался, и все же Йавар заставил его подчиниться.

— Я... никогда... никогда не смогу этого

сделать. Я не смог даже присутствовать на церемонии... Это... позор. Отец не простит меня... Я слаб. Я не могу...

Тиану раздраженно дернул плечом и принудил Йавара распрямиться.

— Выпей воды и перестань ныть. Я постоянно твержу тебе о том, что заставить стать жрецом тебя не могут, а ты уперся, как самый упрямый из сыновей Коацля, и вот тебе результат.

— Ты не понимаешь, — Йавар наконец принял вертикальное положение и облокотился на стену дома, черные глаза ввалились, лицо отливало синевой, — ты никогда не понимал... я рос с осознанием того, что стану преемником отца, я так ждал этого... И он ждал. Я подвел его... Я оказался недостойным священного действия... Я не выношу вида крови... Меня могло начать выворачивать прямо на алтаре... А ведь это только... животное.

Тиану подавил глубокий вздох. Йавар был прав, он действительно никогда не понимал стремления Йавара к власти, безумного, всепоглощающего желания стать кем-то особенным, по его мнению, кем-то важным и недостижимым простым смертным. Гордыня никогда не входила в число пороков Тиану, сам он более всего ценил вольную жизнь и свободу, но, уважая чужие убеждения и видя приверженность Йавара, не позволял

себе открыто критиковать нынешнее положение вещей и, в частности, касту верховных жрецов.

После жертвоприношения, на котором Йавару впервые отвели почетное место среди служителей, Тиану, проводив Рин до дома, нашел его за старым развалившимся домом, уже основательно позеленевшего и со сведенными судорогой руками. Укрывшись от чужих глаз, Йавар, мучительно стелая, боролся с собственной природой, не желавшей воспринять священную церемонию как подобает. Муки его были велики, но, по большому счету, для Тиану непонятны.

— Раз ты способен думать, уже этим ты отличаешься от того тапира, чья кровь на жертвенном камне вызвала в тебе столько сомнений. Ты можешь выбирать. Я не стану убеждать тебя, ты знаешь, мне трудно тебя понять. Ты ведь противишься собственному выбору, противоречишь сам себе, но при этом пытаешься убедить всех, что именно это твой путь. Странно, если не сказать, глупо... я не силен в красноречии, старый Ясу назвал бы это по-другому, нашел бы нужные слова. Поговори с ним, пока есть время.

Йавар криво усмехнулся и, отпив глоток, выплеснул оставшуюся воду себе на грудь.

— Нет. Ясу — это последний человек, с кем бы я хотел обсудить свое положение. Да и

он, поверь мне, не был бы в восторге. Мы, знаешь ли, в последнее время немного не в ладах.

— Назови мне того, с кем ты «в ладах», — покачал головой Тиану, поднимая с земли свой лук. — Делай как знаешь, но эта дорога не так уж хороша, как тебе кажется. И если на следующей церемонии тебя снова вывернет наизнанку, поверь мне, так будет лучше для всех, а прежде всего для тебя самого.

Йавар в знак несогласия упрямо склонил голову, но Тиану не стал продолжать бесполезный разговор. Молодой человек вскинул лук на плечо и оставил Йавара за старой, развалившейся стеной дома одного, наедине со своими мыслями. Солнце палило, и у Тиану появилось желание промочить горло и отдохнуть ото всей этой бесполезной суеты в тени и прохладе, и он снова направил свои стопы к дому Рин и Ясу.

* * *

Кровь. Смерд и копоть от факелов. Тело, сползающее под собственной тяжестью по бесконечным ступеням, обнаженное, в страшных потеках красок и свежей крови, одиночные, раздирающие душу крики и восторженный,

звериный рев толпы. Арина открыла глаза. Первое, что она увидела, это слепящее солнце, заливающее золотом маленькую комнату. А прямо перед собой сквозь пелену слез разглядела маму с испуганным и обеспокоенным лицом.

Сон...

Слезы все еще струились по горячим щекам Арины, она горестно всхлипывала.

— Дочка, что случилось? — мама расстроено гладила Арину по голове, — опять сон?

Арина слабо кивнула и зарылась лицом в мамино плечо.

— Очень страшный, — голос был гнусавым от плача, — я видела чью-то казнь. Кровь... крики. Какой-то хаос... И все такое реальное, даже запахи... Дым. И... всегда одно и то же ощущение ужаса. Как будто во всем этом я теряю кого-то очень близкого и дорогого...

Мама недружелюбно покосилась на стопку книг около кровати. Керам, Косидовский. Другие фамилии были совсем неизвестными.

— Может, тебе не стоит на ночь читать всю эту... кхм... литературу?

Арина отмахнулась и потерла веки.

— Да литература тут ни при чем. Сны-то мне с детства снятся... А вот почему именно такие, мне лично не очень понятно. Наверное, это моя персональная особенность.

Зная, что Елена Васильевна внимательно следит за каждым движением и вздохом дочери, Арина постаралась придать своему лицу беззаботное выражение, потерла веки и легко улыбнулась ей.

— Арин, а давай по магазинам пройдемся в субботу? — осторожно предложила мама и пригладила Ариныны светлые волосы. — Купим тебе чего-нибудь, а? Я уже видеть не могу эти твои джинсы и растянутые свитера...

Арина насторожилась.

— Почему растянутые? — озадаченно спросила она.

— Ну а какие они? Футболки и свитера минимум на два размера больше... В магазинах нет сорок второго? Или ты принципиально в них прячешься? Раньше ты хоть как-то интересовалась одеждой, украшения даже какие-то носила, а сейчас...

Мама махнула рукой. Арина стремительно прокрутила в голове все сказанное мамой. Свитера как свитера, джинсы вполне приличные... Что же касается украшений, у Арины сложилось впечатление, что мама ее с кем-то путает, возможно, лет в пять она и позволяла нацепить на себя какие-нибудь заколки или бантики, но с тринадцатилетнего возраста кроме нательного крестика на тонкой золотой цепочке и сережек с

голубыми топазами Арина не носила никаких украшений. На витрины смотрела с удовольствием, любила пофантазировать, как с чем можно сочетать разные вещи, но применительно к себе никогда свои фантазии не использовала. Впрочем, был у нее еще любимый браслет, года два она его носила не снимая, только что не мылась с ним, но он недавно порвался — Арина неудачно сунула руку в почтовый ящик и теперь был погребен в шкатулке под ворохом лоскутков и катушек с нитками.

— Мам, мне правда сейчас ничего не хочется, у меня все есть. Давай к моему дню рождения твой замысел передвинем, а? И по магазинам походим, и, может, я даже решусь на какое-нибудь сногшибательное платье... Сейчас совсем некстати, правда.

Мама разочарованно вздохнула.

— Хорошо. Но ради меня, хотя бы сегодня не надевай эту страсть, — она указала на бесформенную кучу, сваленную на стуле и представляющую собой свитер цвета гнилого сена, особенно любимый Ариной, — у тебя же есть более приличные вещи...

— Есть, — Арина покорно кивнула, лихорадочно соображая, что из ее гардероба смогло бы на время успокоить расстроенную маму, — я блузку надену. С кофтой. Или водолазку.

Мама недоверчиво кивнула, поцеловала

Арину в макушку и вышла.

Арина откинулась на подушку и шумно выдохнула. Кажется, обошлось. Объяснять впечатлительной и ранимой маме истинную причину своего наплевательского отношения к внешнему виду у Арины не было ни малейшего желания. Да и морального права тоже не было... Арина решила, что происходящее касается только ее и впутывать ближайших родственников в собственные идиотские переживания совершенно недопустимо. Маму, конечно, так просто не проведешь, она обладает феноменальным чутьем и даже можно сказать нюхом на перемены в настроении своих детей, но попробовать стоит.

Арина откинула одеяло и поднялась. Подержала в руках свитер и с сожалением отложила. Что ж, обещание есть обещание. Одежда и подбор туалетов никогда не входили в число увлечений Арины. Покопавшись на полке шкафа, девушка выудила шоколадного цвета водолазку и впала в ступор. Джинсы грязно-синие. Водолазка коричневая. Кофта сверху предполагалась черная или бежевая. Интересно, эти вещи в принципе сочетаются? Представить в уме эту сомнительную комбинацию у Арины никак не получалось, и она затолкала вещи назад. Начать в любом случае стоит с ванной, и Арина потопала чистить зубы.

Наблюдая в зеркале свое бледное лицо, Арина

уже спокойно пыталась оценить виденное ночью во сне. Кошмар был далеко не первым, сны вообще были отличительной особенностью Арины. Последнее видение не было чем-то из ряда вон выходящим, оно вполне вписывалось в общую концепцию ночных грез девушки.

Сколько Арина себя помнила, ей снились странные, фантастические сны. Они были разными, но с некоторых пор Арина начала выделять общие черты и некоторые закономерности, характерные для определенной группы сновидений. Были сны спокойные, размеренные, полные приглушенных красок. В них преобладало чувство покоя и тихой радости бытия, эти сны были по-детски чистыми и лучезарными.

И были такие, как сегодня. На протяжении всего видения пронизывало пульсирующее ощущение ужаса, пока наконец Арина не просыпалась в холодном липком поту и слезах. Объяснения своим чудо-снам Арина не находила, а родители знали только, что время от времени их впечатлительную дочь мучают кошмары. Но на самом деле все было не так просто, и Аринины сны не были просто снами. В этих снах Арина жила совсем другой жизнью.

А снилась ей маленькая индейская деревня, где жизнь течет своим чередом, а она является свидетелем и участником всех значимых и не очень

значимых событий. Во сне Арина прекрасно ориентировалась — знала, где ее дом, где дом старейшины, помнила изо сна в сон, что за порослью густого корявого кустарника есть удобная дорога, и, если по ней пойти, приведет она в город. А если свернуть, не доходя до города, то широкая утоптанная тропа выведет на невысокую гору со странным и величественным сооружением, похожим на пирамиду с усеченным верхом и бесконечными ступенями. Обычно именно здесь начинался ее кошмар, и, если это было в ее силах, во сне Арина старалась избегать похода в направлении горы.

Просыпаясь, лиц Арина не помнила. Но во сне все пригрезившиеся ей люди казались знакомыми, многие повторялись, и Арина встречала их в каждом своем новом сновидении.

Относительно самого страшного сна у девушки тоже имелись некоторые соображения. Подковавшись в историческом плане, Арина с ужасом поняла, что видит никакую не казнь, а некий ритуал, апогеем которого являлось человеческое жертвоприношение.

Менее жутким от осознания смысла видение не становилось, и каждый раз Арина переживала свой кошмар заново, пусть и с новым смыслом.

Раз предположив, что ей снятся индейцы Мезоамерики, Арина начала штудировать

соответствующую литературу и вскоре в различных источниках нашла массу подтверждений собственной правоты. Данные разнились, авторы порой противоречили друг другу, голова у Арины шла кругом, но она продолжала упорно выискивать в интернете и библиотеках новые сведения о таинственных жителях Древней Америки. Кем именно были грезящиеся ей индейцы, Арина так и не пришла к определенному выводу, но склонялась все же к племени майя. Хотя, с другой стороны, местность, где селились древние майя, если верить картам и интернету, не изобиловала водными артериями, а Арине часто снилась именно река... На деле в голове у Арины образовалась пестрая каша, тольтеки, ацтеки, майя и прочие более-менее изученные племена сошлись в ее утомленном мозгу в одном пестром хороводе. «Неплохо было бы пообщаться с каким-нибудь специалистом в этой области, — размышляла Арина. — Чтоб рассказал, что да как у них там было, и похожи ли мои видения на правду. Только где ж такого взять... кафедра истории явно не подходит, все чистые теоретики... а мне бы такого, что и в Мексике побывал, и сам по разным горам-долам полазил...».

По счастью, «индейские» сны беспокоили Арину не каждую ночь, но в такие дни она бывала особенно рассеянной, и в течение дня невольно обращалась мысленно к своим видениям, заново

переживая увиденное. Остальное время она могла спокойно предаваться унынию и борьбе с несостоявшейся любовью и вполне состоявшимся разочарованием. Один холодный мартовский день сменялся другим, и ничего в Ариной жизни не менялось. Так могло продолжаться еще бесконечно долго, однако спокойно прожить эту весну девушке было отнюдь не суждено. Не за горами был апрель, световой день стремительно увеличивался, и вместе с ним росла в душе Арины робкая надежда, что когда-нибудь и у нее все будет хорошо.

Глава 2. Апрель. Ярослав

— Лекция завершена, — ровным голосом произнес Ярослав Лаер и закрыл ноутбук, — все свободны.

По аудитории прокатился вздох разочарования, выразивший преимущественно отношение женской половины потока. Студенты-юноши торопливо собирались и уже спешили на следующее занятие, вне лекции их мало интересовал молодой преподаватель. Стайка девушек окружила кафедру, заглядывая в глаза лектору и тщательно формулируя нежными голосами возникшие по ходу лекции вопросы. Ярослав терпеливо ответил на все, спокойно глядя в озеро из карих, голубых, серых и зеленых глаз.

Студентки напоминали ему стадо молодых оленят, хотя в силу своего характера в их наивность или чью-либо еще он верил с трудом.

— Ярослав Димитриевич, вопрос технического плана, относительно выбора *жертвы*. Как вы говорили, если не было пленных, а обычай требовал именно человеческой крови, избирался кто-то из общины. Но это же полная дикость, неужели они добровольно соглашались на роль жертвы? Индейцы имели склонность к суициду?...

— Разумеется, нет. Инстинкт самосохранения у индейцев был развит значительно сильнее, чем, скажем, у современного человека. «Доброволец» в данном случае понятие весьма относительное... Избранного юношу или девушку в зависимости от того, какому богу было посвящено празднование, помещали в специально отведенные апартаменты, назовем их так, где он и проводил около двух месяцев до жертвоприношения. А чтобы он не передумал быть «добровольцем» и не поколебался в своей вере, его тщательно охраняли, вплоть до самого конца. Кроме того, часто использовались различные одурманивающие средства, наркотического действия.

— И... и никого это не возмущало? Неужели всю общину устраивал тот факт, что в любой момент на алтарь могут возложить их дочь, сына, жену, брата?...

— В основном это устраивало высшую касту, в страхе проще управлять людьми. Кровь нужна была людям, не богам. Больше крови, сильнее страх и, соответственно, больше власти.

— Значит, все-таки кто-то пытался бороться с устоявшимися традициями?

Ярослав усмехнулся.

— Конечно. Были и «революционеры»... Известны случаи, когда из общины отделялись группы людей и уходили в поисках другой земли, где основывали новые поселения и даже города, с принципиально иным укладом.

Наконец, круг из девчонок распался, и все они нехотя потянулись к выходу. Ярослав привычно сделал вид, что не замечает украдкой посылаемых знаков и томных вздохов. На сегодня он был свободен. Ярослав зашел в деканат, перекинулся парой слов с научным секретарем и, сверив расписание, покинул здание университета.

Собственно, преподавательская деятельность не являлась основным занятием для Ярослава Лаера, это был этап, необходимый для получения следующей ученой степени. Молодой кандидат исторических наук вел весьма насыщенный образ жизни, в который с трудом, но укладывались несколько лекций в месяц. Периодически Ярославу приходилось прерывать учебный процесс вынужденными командировками, на что

руководство университета смотрело с пониманием, и этот факт тоже относился к неоспоримым плюсам его преподавательской деятельности.

Кроме всего, преподавать студентам историю древнего мира Ярославу нравилось. Он любил свой предмет и в целом терпимо относился к студентам, не прощая только откровенного пофигизма и праздности. Ярослав много ездил по миру, собирая материалы для своих многочисленных работ, и возвращаясь после очередной экспедиции в родные пенаты, чувствовал себя этаким Индианой Джонсом. Безусловно, динамики и риска, так называемого «экшна», в его путешествиях было в разы меньше, однако загадок и даже некоторого мистицизма тоже хватало. На скуку и рутинный образ жизни Ярослав Лаер решительно не мог пожаловаться.

Ярослав уже поворачивал к себе на Кутузовский, когда позвонил отец.

— Здорово, сын.

— Привет, пап.

— Слушай, будь другом, пригони мне машинку побольше, а то мы с Михалычем на рыбалку собрались, на моей ласточке, ты же знаешь, я не очень люблю по грязям и хлябям...

Ярослав хмыкнул. Отцова «ласточка» точно сядет брюхом на первой же кочке, но дело в том, что в его, отцовом представлении «рыбалка» — это

закрытый водоем, со всеми прелестями цивилизации, типа платной парковки и кафешки на берегу, оборудованный подъездными путями с прекрасным асфальтированным покрытием. Дивное место, рыба сама на крючок насаживается, причем форель, стерлядь, лещ или карп — зависит от желания трудящихся. Точнее, отдыхающих. За определенную сумму, разумеется...

— Удочка не помещается? — не удержался и фыркнул Ярослав, разворачиваясь. — Или Михалыч вместе с удочкой?

— Ладно, ладно. Мы на настоящую рыбалку, Михалыч шикарное место нашел на Оке, ну, а потом к нам на дачу. Между прочим, твоя маман через неделю возвращается, дай хоть оторвусь напоследок. В общем, жду автобус.

— Ладно, жди.

Ухмыляющийся Ярослав нажал отбой и прибавил газу.

Родители Ярослава жили собственной весьма интересной жизнью. Мать, известный переводчик с японского, проводила большую часть времени за границей, в частности в Японии или в Англии, где у родителей был собственный дом и где постоянно проживала семья старшей дочери. В Англии же получали образование племянники Ярослава. У отца в России был собственный торговый бизнес,

весьма успешный, вместе с двумя партнерами он владел крупной корпорацией, поглощавшей все больше мелких компаний и практически подчинившей себе рынок.

В свое время Ярослав не пожелал становиться владельцем газет, заводов и пароходов, продолжая, таким образом, дело отца, и пошел по собственному пути. Поначалу отец сильно переживал, надеясь, что сын образумится и подключится к семейному детищу, но со временем иллюзии его растаяли, и в бизнес вошел муж старшей дочери, чему Ярослав был несказанно рад, ибо от него, наконец, отвязались.

Детство молодого человека прошло за границей. До того, как ему исполнилось восемь лет родители проживали в Германии, после переехали в Англию. Впрочем, можно сказать, в Англию переехал один Ярослав, отец в тот период разворачивал бизнес в России, мать тоже была весьма занятой дамой. Ярослав остался на попечении бабушки и старшей сестры. Учился Ярослав превосходно. Вообще, сам процесс обучения не представлял для будущего кандидата наук особенного труда. К четырнадцати годам Ярослав свободно говорил на трех языках, помимо родного, увлекался конным спортом и прочитал массу книг, не входивших в обязательную

программу обучения. Разбирался в искусстве, музыке, политике и обществознании, чем был обязан собственным талантам и, несомненно, бабушке, вложившей во внука, по ее собственному выражению, «всю душу».

Когда Ярославу исполнилось пятнадцать лет, с ним произошло событие, в корне изменившее его мировоззрение и предопределившее дальнейшую судьбу. До сего момента Ярослав приблизительно представлял, чем будет заниматься. Впереди маячили понятные перспективы, такие как участие в бизнесе отца и тому подобные закономерные ожидания. Однако ближе к семнадцати годам планы молодого человека резко поменялись. Теперь он шгудировал литературу вполне определенного направления, серьезно увлекшись историей древнего мира и психологией. Ярослав стал более замкнутым, и сильно отличался от себя самого пару лет назад.

Резкий скачок во взрослении тогда еще очень молодого человека окружающие восприняли как нечто само собой разумеющееся. Ярослав с детства был самостоятельной и абсолютно самодостаточной личностью и предпочитал не загружать родственников своими проблемами, если таковые имелись, по возможности справляясь сам. Очередной качественный прорыв и перемены в

поведении приписали переходному возрасту и поиску себя, свойственному большинству подростков на этом периоде развития. В реальности же причины некоторой акселерации молодого человека лежали совершенно в иной плоскости.

Отучившись под нажимом родителей два года в Оксфордском университете, Ярослав вернулся в Россию и доучивался уже в МГУ. Там же защитил диссертацию и остался преподавать. Родственники были в легком шоке, но противиться выбору не стали.

Продолжать дело отца Ярослав, как и было сказано, отказался, с этим пришлось смириться. Куда дальше заведет сына его независимая жизненная политика, родители не могли даже представить, однако постановили доверять его решениям. Свой родительский долг они выполнили — обеспечили сыну хорошее образование, дальше — его дело. По большому счету, такая постановка вопроса устраивала и родителей, и, главное, самого Ярослава.

На сегодня у Ярослава были запланированы еще два дела. Отогнав внедорожник отцу, Ярослав пересел на его машину и помчался домой, по дороге отметив, что «ласточке» пора менять масло, и в ней снова не работает прикуриватель.

Жрец Тамукан выжидающе смотрел на Тиуакиантля. Последний прекрасно осознавал, что последует за этим и что именно ждет от него верховный жрец.

Тамукан был так грузен, что казался почти круглым. Дряблые щеки его обвисли, водянистые глаза заплыли жиром. Вывернутые, оттянутые драгоценными украшениями губы с возрастом стали огромными и придавали верховному жрецу сходство с крупной старой жабой. Тамукан был несколько моложе Тиуакиантля, но по сравнению с поджарым, сухопарым Тиуакиантлем выглядел стариком.

Тиуакиантль молчал. Первым нарушил молчание Тамукан:

— Приближается священный день, а избранного нет...

Избранного нет. Это знал и сам Тиуакиантль. В процедуре определения избранного не было ничего принципиально нового для жрецов, однако на этот раз все было не так просто...

Тиуакиантль медлил. Засуха длилась необычайно долго, поля иссохли, люди были измучены и ждали помощи от богов. Хотя обычай предписывал принять вполне определенные меры и предпосылок было более, чем достаточно, старший из жрецов Кукулькана не торопился с принятием решения. Высокая должность обязывала

действовать, однако что-то удерживало Тиуакианглю от резких невыверенных шагов.

Боги не дали Тиуакианглю и его жене детей, и, когда в общине появился чужак-знахарь с целым выводком голодных младенцев, Тиуакиангль, уже в годах, бывший в то время помощником главного жреца, воспринял это, как знак свыше и решил взять к себе одного из мальчиков, чтобы воспитать его, как собственного сына. Йавар рос смышленным и хитрым, и чем старше он становился, тем чаще Тиуакиангль замечал в нем те черты, какие могли появиться в мальчике, если бы он был Тиуакианглю родным сыном. Наблюдая за превращением ребенка в подростка, а подростка в юношу, стареющий Тиуакиангль видел в приемном сыне преемника и верил, что не за горами тот час, когда Йавар заменит его на своем почетном месте у священного камня.

Йавар, Тиану и Рин знали о своем происхождении немного, от них не скрывали, что настоящие родители давно оставили их и растут они в чуждой среде, и на этом все. Единственным их достоянием было знание о том, что Рин все же родная внучка старика Ясу, а Тиану и Йавар — нет. Йавара почти сразу забрала к себе семья жреца, двое остальных остались с Ясу.

Старик воспитывал Рин и Тиану скромно. Жили они в ветхой хижине, когда подросли,

начали помогать, занимаясь тем же, чем занимались все жители деревни, — Рин вместе со старшими женщинами сеяла и собирала маис, училась готовить и вести хозяйство, Тиану рано стал ходить с мужчинами на охоту. Паренька брали с собой с удовольствием, он был быстрый и ловкий, ничего не боялся и никогда не жаловался. Вскоре Тиану взяла к себе семья охотника, и он переселился в дом по соседству.

Старик Ясу пользовался уважением в деревне, говорили, что когда-то он был главным шаманом в каком-то далеком городе и был наделен большой властью, пока не пришли белые боги и не разрушили их город. Сам Ясу никогда не вспоминал о прошлом, предпочитая помалкивать. Он предсказывал погоду, умел лечить разные хвори и знал множество историй о далеких землях и чужих богах. Жрецы побаивались его, но с мнением считались и порой обращались к старому колдуну за советом. Правда, делать это старались в тайне.

В то время как Тиану и Рин росли весьма скромно, Йавар жил в достатке и не знал отказа ни в чем. Слуги, кормилица — к его услугам было все, что угодно, отец позаботился об этом. Однако, несмотря на явную разницу в статусе, Йавар по-прежнему общался с названными братом и сестрой, сбегал от отца и старой кормилицы, если те слишком долго

ограничивали его в общении с ними. Йавара видели то тут, то там, мальчишкой он участвовал то в сборе маиса, не особенно гнушаясь черной работы, то испытывал с Тиану новый лук, то они вместе затевали с другими детьми какую-нибудь шалость. Детей тянуло друг к другу, и они крепко дружили. Чем сильнее было желание Тиуакиантля оторвать Йавара от его друзей, тем крепче держался за них Йавар. И в какой-то момент Тиуакиантль отступил, позволив Йавару самому сделать выбор, полагая, что время само расставит все по местам. Повзрослевшим найденышам придется определяться со своим местом под солнцем, и место это для Йавара Тиуакиантль прекрасно представлял, чего нельзя было сказать о двух других. Девчонка Тиуакиантля не особенно интересовала, а вот молодой Тиану вносил в его душу некоторое беспокойство. Парень был красив, ловок и умен. Кроме того, крайне не сдержан на язык. Он часто произносил откровенно провокационные речи, настроенные против духовенства, открыто критиковал нынешнее поведение власти и высмеивал устоявшиеся традиции. В понимании Тиуакиантля, суждения Тиану были чрезвычайно вредны для слуха Йавара и другой молодежи, более того, недопустимы и опасны. По счастью, Йавар в большинстве случаев не разделял мнения Тиану и готовил себя к

высокой должности, однако это не мешало им продолжать общаться.

Тиану и Йавар становились взрослее, и все меньше Тиуакиантлю нравилось их общение. В своих мыслях он часто обращался к этой неудобной дружбе и в последнее время особенно остро ощущал необходимость действовать. Отделаться от Тиану раз и навсегда. Разорвать связывающие молодых людей старые узы, растерзать, разрубить на мелкие кусочки, стереть с лица земли, чтобы не осталось даже воспоминания... Но как бы страстно ни желал этого Тиуакиантль, время еще не настало. Неожиданное решение пришло в голову старому жрецу случайно, независимо от его воли. Нежные чувства, своевременно всколыхнувшиеся в душах молодых людей, создали благодатную почву для посева сомнений и сделали обоих весьма уязвимыми, чем в конце концов и развязали Тиуакиантлю руки. Чутко отслеживал Тиуакиантль малейшие признаки недовольства друг другом у закадычных друзей, теперь их детской дружбе предстояло главное испытание. Когда дело касается противоположного пола, особенно в столь юном возрасте, первыми срабатывают инстинкты, а уж после — разум и совесть. Это старый жрец знал не понаслышке. В данном случае Тиуакиантль, хорошо изучивший за свою долгую жизнь людскую природу,

надеялся, что до разума не дойдет и дело ограничится инстинктами.

В едва наметившуюся брешь в отношениях друзей и собирался вбить клин Тиуакиангль. Глядя теперь на верховного жреца и видя перед собой совершенно иные образы, Тиуакиангль наконец кивнул:

— Доброволец будет... это великая честь... а если его вера не будет достаточно сильна, мы в праве помочь ему.

* * *

Времени до встречи оставалось не так много, и Ярослав почувствовал неизбежность выбора в пользу использования московского метро.

Ярослав плохо переносил общественный транспорт, но здравый смысл подсказывал ему, что лучше переступить через свою нелюбовь и за сорок минут добраться до места, чем добрых три часа простоять в пробке, пусть даже с кондиционером и приятной музыкой. Впрочем, на одной из пересадочных станций он с досадой подумал, что, даже несмотря на явный выигрыш во времени, все-таки склоняется в сторону личного автотранспорта. Сзади Ярослава подпирали чьи-то мощные плечи, а к груди прижалась худенькая фигурка. От девушки в данной ситуации ничего не

зависело, и Ярослав терпеливо, хотя и с некоторым неудовольствием смотрел сверху вниз на светлую макушку, вдыхая тонкий аромат шампуня и мысленно уповая на то, что у девицы не покрашены губы. Поезд снова качнуло, девушка практически упала на Ярослава, он вернулся в прежнее положение, подумав, что такими темпами, если позади нее образуется кто-нибудь сильно массивный, девушка навсегда останется на его пальто в виде аппликации. Девица неловко завоzilась и подняла голову. Сердитые светло-зеленые глаза с маленькой золотой искоркой на дне, прямой нос, бледная кожа. Время остановилось.

Глава 3. Апрель. Арина

Сны снами, но на этом странности, происходящие с Ариной и не думали заканчиваться. Если сновидения можно было приписать ее необузданной фантазии, жажде приключений, и полному отсутствию подобного в ее нынешней жизни, то встречи с черноволосым парнем нельзя уже было свалить на расстройство психики или фантазии хотя бы потому, что видела его не одна Арина.

Первый раз Арина заметила его в метро. Не страдая излишним любопытством, в транспорте

Арина старалась не рассматривать посторонних людей, обращая внимание только на потенциальных террористов или пьяных. Порой с ней пытались познакомиться, по большей части нетрезвые или откровенные психи. Арина называла себя «приманкой для уродов». Однако тут был особенный случай. Возможно, и этого парня она бы тогда не заметила, если бы не уперлась в него носом в буквальном смысле. На «Октябрьской» в вагон хлынула людская толпа, явно превышающая по объему возможности вагона. Арина еще в районе «Профсоюзной» уступила место очередной бабушке с тележкой и теперь повисла на одной ноге, оказавшись надежно зафиксированной между чьей-то широкой спиной и мужским торсом в черном кашемировом пальто. Очутившись в ловушке, Арина размышляла, не поджать ли ей и вторую ногу. Поезд качнуло, Арина навалилась на торс всей своей небольшой массой. Торс не возражал, однако даже через пальто Арина ощутила, как напряглись тугие мышцы мужчины, стремясь сохранить равновесие.

В обществе красивого пальто, тонко ароматизированного хорошей туалетной водой, Арина чувствовала себя вполне комфортно, пока не подняла голову и не встретила с обладателем пальто глазами. Девушку прошиб ледяной пот, несмотря на духоту в вагоне. В каком-то дурацком

любовном романе ей некогда попалась фраза, вполне соответствующая драматизму данной ситуации. Сердце ухнуло и забилося в совершенно нелогичном с точки зрения анатомии месте. «На нее взглянула сама судьба». А если еще добавить колориту, то, пожалуй, сам фатум. Черные глаза смотрели не просто с интересом, а с каким-то невероятным симбиозом самых разных чувств. При желании в них можно было прочесть все, что угодно, начиная от дикой боли и заканчивая яростным огнем, вспоминая Бюль-Бюля-оглы.

«Черт, маньяк, — простонала про себя Арина, — наверняка убивает всех баб, коснувшись его драгоценного пальто... А может, я просто стою на его ноге?».

— Простите, — пробормотала Арина, опуская голову и тщетно пытаясь отодвинуться. Молодой человек молчал, продолжая прожигать макушку Арины удивительными глазами.

На «Третьяковской» платформа с вагоном произвели обмен людскими массами, стало немного свободнее. Арина воспользовалась моментом и, отмагнитившись от пальто недружелюбного незнакомца, забилась в уголок около дверей. Парень встал к другим дверям и теперь смотрел в тоннель через грязное стекло. Однако впечатлительной Арине мерещилось, что и в отражении то и дело вспыхивали огоньки его

недобрых глаз.

Что же все-таки было в этих странных глазах, Арина так и не поняла. Огонь. Мольба. Напряжение. Почувствовав себя крайне неудобно, Арина вышла на одну остановку раньше и потом трусливо переждала два поезда, высматривая незнакомца. На ее остановке парня не было, и она немного успокоилась. Непроизвольно оглядываясь и уповая на то, что парень из вагона не притаился в соседнем переулке с намерением шарахнуть ее кирпичом по голове, Арина быстро, как встревоженная куропатка, выскочила из метро и примчалась в институт, каким-то чудом не опоздав на лекцию по философии.

В течение дня Арина пару раз вспоминала о странном незнакомце и с удовлетворением думала, что лучше перебдеть. А то, кто его знает, вдруг правда больной какой... Хорошо, что приняла меры, наивно радовалась Арина, и постаралась забыть об инциденте.

А на следующий день она увидела его у института. Ошибиться Арина не могла, несмотря на то, что в связи с потеплением одежда была другой — на парне была надета легкая парка песочного цвета, узнала его Арина без колебаний. Высокий рост, красивые темные волосы, немного длиннее, чем при традиционной мужской стрижке, и, что самое главное, тот же непонятный, тревожный и,

как показалось мнительной Арине, ненормальный взгляд. Арина вросла в землю, точнее, в каменную ступеньку, лихорадочно продумывая пути отступления. Не придумав ничего лучше, стремглав бросилась назад в главное здание, поплутала по коридорам, как очумевший заяц, и в результате выбралась на улицу через левое крыло, как бы решив облегчить задачу предполагаемому маньяку, в совершенно безлюдный переулок.

Часом позже в супермаркете около дома, куда Арина зашла купить хлеб, парень стоял у стеллажа с дисками и очень внимательно их изучал. Сердце Арины окончательно ушло в пятки, происходящее перечеркнуло надежды на то, что таинственный незнакомец хотя бы не знает, где она живет.

«Ну, все, — потерянно думала Арина, пятясь к кассе и прижимая к себе батон белого, — теперь подкараулит в подъезде — и ага».

Выскочив из магазина, Арина опрометью кинулась к дому, оглядываясь каждые пять метров. Открыто за ней никто не шел. В этот раз вроде все обошлось благополучно.

Уже находясь дома в относительной, как ей теперь казалось, безопасности, Арина прилипла к окну, выходящему на злосчастный супермаркет. Долго ждать не пришлось. Минуту спустя из дверей вышел высокий темноволосый парень и, спрятав

бумажник во внутренний карман куртки, принялся пристально рассматривать приобретенный компакт-диск. Арина не могла разглядеть выражения лица, но пофантазировать она себе позволила вдоволь. Молодой человек минуту изучал упаковку, затем отправил только что купленный диск в мусорную урну, стоящую возле дверей супермаркета, и быстрым шагом скрылся за углом здания.

— Ну и ну, — вслух произнесла Арина и позвала брата: — Стасик, ты дома? Стас!

Через некоторое время в дверях появился младший братец, отчаянно зевающий и трущый глаза.

— Что ж ты так кричишь, — не глядя на Арину, Стас полез в холодильник, — кругом же люди спят.

— Стась, к тебе парень такой высокий, черный не приставал с разговорами?

Стас оторвался от бутылки с минералкой.

— Негр, что ли?

— Да нет, волосы темные, длинные. Сам довольно высокий, глаза тоже темные, взгляд... странный. Не подходил к тебе такой?

Стас задумался и отрицательно покачал головой.

— А что, должен был?

— Уже и не знаю. Ходит за мной, как пришитый. Вот узнал откуда-то, где я живу... Ты

поосторожней, ладно? Если подойдет, ничего конкретного не говори ему, пожалуйста. А лучше вообще ничего не говори.

— А если он который час спросит? — у Стаса был совершенно обескураженный вид. — Или как пройти в библиотеку?

— Неважно. Библиотеку сам найдет, грамотный, поди.

— Как скажешь, — покладисто кивнул Стас. — Могу прикинуться глухонемым.

На следующее утро Арина, пригибаясь, как под обстрелом, нервной рысью добежала до метро и только в душном вагоне перевела дыхание. Преследователя не было. Не повстречался он и у института, Арина незаметно прошмыгнула мимо Олеговой машины, которую отметила краем глаза и влетела в институт, едва не сбив начальника курса. Две лекции промелькнули, как одна. Утро прошло относительно спокойно.

Преследователь появился только после второй пары, Арина с Алей как раз собирались перекусить и решали куда пойти, в большое общее кафе на второй этаж, к туркам на третий или удовольствоваться хот-догом из палатки напротив института.

Получилось так, что девушкам пришлось пройти как раз мимо молодого человека, не отрывавшего от них напряженного взгляда.

— Ничего себе, — выдохнула Аля, парень не остался незамеченным, — ты видела? Что за конь-огонь? Вот это мужик... глаза прям такие... уух. У меня мурашки по коже.

— Немудрено. Аля, это маньяк, — сквозь зубы прошипела Арина, утягивая Алю в сторону палатки с хот-догами. — Да двигайся ты!

— Почему сразу маньяк? — Аля растерянно оглядывалась и упорно не хотела ускорить шаг. — Слушай, он так смотрит...

— Во-во, и я о том же. Да перестань ты глазеть на него, еще пойди познакомься. Второй день за мной таскается, прилип, как банный лист, чего ему надо, неизвестно...

— Здорово, — выдохнула Аля мечтательно, — так подойди, спроси.

— С ума сошла. А вдруг он псих? Ка-ак даст по башке... Или, там, зарычит или укусит... Взгляд ну совершенно ненормальный, и ходит, и ходит, и тарашится, как будто на мне узоры нарисованы, ей-богу... Очень раздражает, если не сказать больше.

— Покатаюси-повалаяюси, — жутким басом пропела Аля и захихикала, — Аришкиного мяса пое-евши... Да не похож он на психа, Арин. Он на актера одного похож, принца играл в сказке про Нарнию, помнишь? Как же его зовут... только этот, может, даже красивее будет... Мужественнее, что

ли.

Аппетит у Арины пропал начисто, и, косясь на черноволосого парня, она потащила упирающуюся Алю обратно к главному корпусу.

— Ну и куда мы? Арин, я есть хочу.

— Пошли к туркам, я все равно перед его носом ничего в себя впихнуть не смогу.

Турецкое кафе располагалось на третьем этаже и славилось очень вкусными гамбургерами, совсем не похожими на Макдоналдс и иже с ними. Еще в кафе работал красивый турок по имени Сунаи. Сунаи был толстый и очень радушный, девушки за глаза называли его «Цунаки», так он им представился, а вернее, так им послышалось, когда они впервые посетили кафе.

— Хотя бы посмотри, как он одет, — громко сипела всю дорогу Аля, черноволосый парень никак не желал покинуть ее сознание, — не может душевнобольной так одеваться, понимаешь ты...

— Да, да. Просто денди, чтоб ему провалиться. Привет, Сунаи.

Аля недовольно уставилась на Арину, кивнув Сунаи.

— Да у него один ботинок стоит, как все, что на нас с тобой надето вместе взятое! Возможно, даже вместе с нами.

— Ну и ну. А он еще и красивый,

оказывается, — подначила взбудораженную подругу Арина, усаживаясь с подносом за столик. — Я вот, представляешь, как-то и не заметила...

— Да он не просто красивый, — покачала головой Аля и села рядом, — разуй глаза.

— А что еще? — Арине надоел этот пустой разговор, парень ее откровенно нервировал, она была убеждена, что ничего хорошего это странное преследование ей не сулит. — О господи, когда ты успела все разглядеть-то...

— Он *охрентельн* о красивый, — с чувством проговорила Аля и наконец мрачным голосом выдала то, ради чего, собственно, и говорилось все предыдущее: — а Олег твой на крысу похож.

Аля многозначительно замолчала и откусила сразу полгамбургера.

Арина только головой покачала. Олег действительно немного напоминал какого-нибудь грызуна, и Арина прекрасно помнила свое первое впечатление от молодого человека, внесшего сумбур в ее тихую жизнь. Глазки маленькие, нос довольно длинный, чем-чем, а красотой Олег не блистал, но при всем этом парень оказался весьма обаятельным. Общаться с ним было одинаково приятно и девушкам, и ребятам, разговаривать он мог обо всем на свете и сколь угодно долго. Как желчно комментировала эту его особенность Аля,

не поддающаяся обаянию Олега, «уболтать может всякого», «болтун — находка для шпиона» и еще «язык без костей». Арина усмехалась, а про себя думала, что дело вовсе не в этом, а просто Олег показался ей *хорошим*, таким настоящим и родным, как будто только его она всю свою жизнь и искала. Это было первое серьезное увлечение, и оттого было так горько теперь... Арина проглотила комок в горле и строго напомнила себе о новых принципах. Никаких больше слез. Никаких Олегов и красных «Митсубиси». Она ему не нужна, а он ей и подавно, пора уже это усвоить. А раз такое дело, пусть подавится своими любимыми трубочками с кремом и будет здоров... Арина вздохнула и автоматически доела свой гамбургер, уже не ощущая абсолютно никакого вкуса.

Человек ко всему привыкает, но все-таки постоянное присутствие в ее жизни, пусть и на заднем плане, темноволосого молодого человека Арину страшно нервировало. Прошла неделя со дня встречи в метро, и таинственный незнакомец стал неотъемлемой частью Ариного существования, хотела она того или нет. «Еще немного, и у меня начнет дергаться глаз, — мрачно думала Арина, издалека наблюдая за соглядатаем. — Вот чего ему надо, не пойму. Хотел бы убить или покалечить, так, наверное, уже справился бы, возможностей было достаточно. Подойти, что ли, спросить?».

Появилась даже шальная мысль заявить на парня в полицию. Но останавливал тот факт, что в сущности молодой человек ничего такого не делал, не приставал, не угрожал. Он даже не приближался ближе, чем на пятнадцать метров. Только смотрел. Арина часто ловила на себе странный тревожный взгляд незнакомца. «А может, он влюбился, — весело подумала Арина и снова глянула в сторону парня, — ой, нет. Такой вряд ли способен на что-то подобное... Да и было б в кого». Арина вздохнула и пошла в сторону автобусной остановки, решив для разнообразия проехать до метро одну остановку.

Глава 4. Апрель. Антон

Антон Прилучный проснулся во второй половине дня с очень тяжелой головой. Открыл глаза и попытался сфокусироваться на люстре, однако значительного успеха в этом не достиг. Воспоминания о вчерашнем вечере были, но какие-то уж очень туманные и немногочисленные. Смутно появилась мысль о крепком сладком чае с лимоном и исчезла. Следующим в воспаленном мозгу возник образ соблазнительного толстобочного мандарина, лежащего в кармане его, Антоновой, куртки. Вот, собственно, и она, примостилась около головы Антона и почему-то еще и вывернулась наизнанку. Не открывая глаз, Антон нащупал

мандарин и умудрился даже довольно ловко очистить его от шкурки. Вчера кто-то навязчиво совал ему фрукты «на дорожку», изображая гостеприимного хозяина. От бананов, судя по всему, удалось отбрыкаться, а мандарин ему все-таки всучили. Вот только кто был этим хозяином с гипертрофированным чувством гостеприимства, Антон категорически не помнил. Мандарин возымел волшебное действие, и Антон почувствовал себя несколько лучше. Перестал ныть желудок, голова успокаивалась. Глаза, правда, до конца так и не открылись. Но лиха беда начало. Рядом послышалось шумное дыхание, и Антон ощутил на лице что-то горячее и шершавое.

Лизнув хозяина в нос, Рембо отодвинулся и демонстративно чихнул.

Антон нашел в себе силы просипеть:

— Понимаю, брат. Самому страсть как противно...

Антон Прилучный не был алкоголиком, наркоманом или каким-нибудь неблагонадежным гражданином. Он представлял собой обыкновенного двадцатитрехлетнего молодого человека из нормальной, вполне интеллигентной семьи, обладал при этом весьма приятной внешностью и незаурядными способностями. А нынешнее его несимпатичное состояние

объяснялось очень просто — на рассвете он вернулся с грандиозной вечеринки по случаю дня рождения хорошего приятеля. По пути в ванную Антон взглянул в зеркало и нашел в себе силы подумать, что приятная внешность выглядит, пожалуй, немного иначе.

Удивительно, до чего все непостоянно в подлунном мире. Еще вчера в этом самом зеркале отражался симпатичный молодой человек, энергичный и подтянутый, одетый просто, но элегантно, без лишнего шика, впрочем. А сейчас с той же отражающей поверхности на Антона недружелюбно косилось заплывшим глазом взлохмаченное существо, неравномерно поросшее темной щетиной. Волосы торчали дыбом, придавая голове странную незргономичную форму. Вывалявшийся в колючках верблюдов и тот выглядел бы куда более презентабельно, нежели сомнительный индивид, созерцанием которого непродолжительное время занимался Антон.

После контрастного душа, галлона кефира, двух чашек кофе и таблетки аспирина щетинистый индивидуум социально опасной наружности начал постепенно исчезать, уступая место прежнему, слегка помятому Антону. В голове еще немного шумело, но к окружающему миру уже начали возвращаться краски.

Проведя ревизию карманов, Антон вытряхнул

мусор неизвестного происхождения, вытащил пустую пачку из-под сигарет с криво нацарапанным именем «Ира» и неудобочитаемыми цифрами и отправил все это в помойное ведро. На вчерашней рубашке в районе плеча Антон с удивлением и некоторым неудовольствием обнаружил отпечаток яркой губной помады. Никакой Иры он, разумеется, не помнил, женщин с покрашенными губами не любил, потому решил не напрягать измученную нарзаном память, рубашку сунул в стиральную машину и с чувством выполненного долга налил себе еще кофе. В телефоне нашел тактичную смс-ку от мамы, про кефир в холодильнике и о блинчиках в микроволновке. Кефира уже не было, блинчиков не хотелось, но мамина ненавязчивая забота приятно согрела Антоново сердце.

«Жениться тебе надо, — приговаривал иногда отец, когда Антон подобным образом не рассчитывал свои силы, — сразу появится и ответственность, и чувство меры... Или наоборот, тут уж как повезет». Антон отшучивался, но иногда начинал прокручивать в голове слова родителя. Жениться... Да упаси Господи, как говаривала бабушка Антона, Татьяна Михайловна. Девушек вокруг было много, красивые, веселые, симпатичные и просто милые, они появлялись и исчезали, как случайный весенний снег, но ни разу у Антона не возникло желания, чтобы кто-то из них

задержался больше чем на пару недель. Антон научился никого не обижать, и к четвертому курсу за ним укрепилось как второе «я» прозвище «нечего ловить». Сокурсницы знали, парень, конечно, хоть куда, и симпатичный, и веселый, но перспектив никаких. Многие к этому времени уже создали семьи, как-то определились со своей жизненной позицией, Антон же на все предположения о его чересчур сильной разборчивости и «высокой планке» отшучивался и обещал тут же жениться, как только встретит ту самую, единственную. За свою молодую жизнь пока вот не встретил. Да и, собственно, какие его годы.

Каждый день, припарковавшись на стоянке возле института, Антон наблюдал, как хрупкая девушка с большими зеленоватыми глазами и сосредоточенным лицом топает в институт. Она не была сногшибательной красавицей, это уж точно. Но что-то, видимо, в ней такое было, что заставляло Антона каждый раз незаметно провожать ее взглядом перед самой первой лекцией. Это стало у него своего рода традицией: дождался девушку с зелеными глазами — день пройдет успешно. Не дождался — все пойдет наперекосяк. Антон посмеивался над самим собой, но подойти и банально познакомиться не решался. В течение прошедшего года, девушка была явно несвободна, ее часто подвозил парень на синем «Форде».

Последний месяц «Форд» пропал, Антон уже понадеялся, что ухажера отчислили за неуспеваемость, пока не увидел его после учебы беседующим с девушкой возле нового кроссовера «Митсубиси». «Машинку сменил, хорек, — подумал Антон, — странно, она в нее не садится. Может, не все потеряно?».

У девушки была совершенно прозрачная подружка с копной живописных кудряшек, казалось, дунешь — улетит. Иногда они вместе стояли на крылечке и разговаривали, пару раз за неделю Антон видел их в кафе. Парня он тоже частенько заставлял там, тот пил кофе и балагурил, обычно в большой компании. Парень ему, разумеется, страшно не нравился, казался самодовольным и неприятным, хотя Антон понимал, что абсолютно необъективен. «Вероятно, он замечательный человек, — уговаривал себя Антон. — Не стала бы она общаться непонятно с кем... Хотя, девушки — чудные создания. Кто разберет, что у них там в голове... Но этот все-таки неприятный. Хорек хорьком. И что она в нем нашла?...»

Что-то между ними явно происходило, или Антону хотелось в это верить. Последние несколько недель Антон наблюдал, как с каждым днем портится настроение у девушки. Утром, следуя привычным курсом, она с надеждой и даже

какой-то обреченностью искала глазами чертову «Митсубиси», а когда находила, взгляд ее по непонятной причине угасал. Однажды он стал свидетелем, как зеленоглазая после разговора с хорькообразным парнем резко повернулась и пошла прочь. Антон успел заметить выражение бледного лица. Глаза казались еще больше, Антону почудилось, что девушка едва сдерживает слезы. Антон стоял совсем рядом, но вряд ли она его заметила. «Чем же она тебе не угодила, хорек ты скрипучий, — мрачно думал Антон, глядя в спину удаляющейся девушке, — так и вмазал бы по постной физиономии...».

Была в этой девушке какая-то невероятная незащищенность, Антону периодически хотелось схватить ее в охапку и куда-нибудь утешить, надежно спрятав от враждебного окружающего мира, а в первую очередь от пресловутого молодого человека с мышинными глазками. И как получилось, что он так много значит для нее? Это было такой явной, такой очевидной ошибкой, что, как казалось Антону, должно было всем резать глаз. Есть же у нее друзья, родители, наконец. Кто-то должен был ей сказать, что так нельзя... Почему так нельзя, Антон и сам толком не знал. Но чувствовал и даже видел, что зеленоглазая девушка далеко не счастлива, а так быть не должно. Неправильно это.

Из таких чудесных серьезных глаз должен литься свет, и уж точно не тоска, которая все четче, день ото дня проявлялась на бледном лице.

Иногда Антон позволял себе пофантазировать. Вот она приходит после учебы домой, бросает сумку в кресло, переобувает сапоги, треплет за холку черного лохматого пса... Интересно, есть ли у нее собака. Антон не очень любил кошек, за их горделивое отчуждение «гуляю сам по себе», к собакам же относился с большой симпатией. Единственный кот, к которому Антон питал глубокое уважение, это был кот его бабушки, Эммануил Евграфович. Но этот кот был не просто котом. Эммануил Евграфович по праву считал себя полноправным хозяином бабушкиной резиденции, а сама бабушка была кем-то вроде домоправительницы при нем. Эммануил (*в простонародье Моня*) обладал удивительно богатой для кота мимикой, по прищуру огромных желтоватых глаз можно было с высокой долей вероятности определить отношение их обладателя к тому или иному вопросу, обсуждаемому в его присутствии. Антон подозревал, что кот и сам бы охотно поговорил, однако был слишком хорошо воспитан, чтобы позволить себе вмешиваться в беседу...

«У нее точно есть собака, — думал Антон. — У всех хороших людей в какой-нибудь период

жизни обязательно бывают четвероногие и вислоухие друзья. Пес непременно заросший, добрый и неуклюжий».

Антону было 14 лет, когда судьба свела его с Рембо. Холодным апрельским утром Антон шел покупать себе подарок на день рождения, в кармане новехонькой модной курточки — подарок бабушки — лежала невиданная по тем меркам сумма, и подросток предвкушал приятные мгновения. Он планировал купить мобильный телефон и отметить день рождения с друзьями в кафе, предварительно посетив кинотеатр.

Свернув с улицы в подворотню, Антон еще издалека услышал громкий голос дворника Василия Василича. Обычно шумный и говорливый, Василич не упускал возможности поговорить с «хорошим человеком», без разбору давал всем во дворе советы, гонял ленивых таджиков, самоотверженно сражался с любителями граффити, разрисовывающими местные гаражи и будки ЦТП, а уж как ругался, так это любо-дорого... Антон, в свои годы знавший достаточное количество непечатных слов, самые изысканные выражения почерпнул именно из этого щедрого источника. В этот раз, в словесном потоке дворника явственно сквозили сочувствующие ноты, и Антон решил поинтересоваться. Если не вслушиваться, по

жалостливым интонациям казалось, что Василич причитает над кем-то тяжело больным.

— Коня в харю... Да чтоб тебя, горемыка...

— Кто это у тебя, Василич?

— О, здоров, Тоха.

Василич посторонился, испутив горестный вздох.

— Да вот, смотри-ка... «кабысдох» прибудился... И деть-то его некуда, чертяку.

Антон обогнул Василича и окаменел.

С мерзлой земли из взъерошенного комка шерсти на него взглянули умные, полные боли, желто-коричневые глаза.

Сердце подростка болезненно сжалось. Пес не отводил взгляда от его лица и даже перестал скулить. Наклонившись, Антон разглядел свалывшуюся шерсть, неестественно вывернутую лапу и запекшуюся кровь.

— Что с ним случилось?

Дворник Василич вздохнул и оперся на лопату.

— Да сбили его, машиной. Сам видел. Волга белая, мордovorот из третьего подъезда ездит. Сегодня совсем холодно, думаю, укрыть, что ли, чем... Да все одно помрет.

— Не помрет.

Антон опустился на колени перед измученным комком шерсти и осторожно коснулся

собаки. Пес продолжал смотреть Антону в глаза. Василич счел нужным предупредить:

— Ты смотри... Цапнет еще. Больно ему, небось...

— Василич, нет у тебя какой-нибудь коробки или ящика?

— Да откуда... Может чего и было, да мусорку-то с утра вроде как вывезли.

— Ясно.

Антон скинул новую куртку и осторожно попытался подсунуть под собаку. Пес напряженно следил за движениями Антона. Решение подросток принял мгновенно, мысленно попрощавшись с новым мобильником и предстоящей гулянкой, Антон твердо решил поставить пса на ноги. Вернее, на лапы.

Антон уже собирался взять пса на руки, бережно подтаскивая его к себе, под причитания Василича, как из подъезда выкатился мордатый мужик и, сделав пару шагов в сторону белой «Волги», вдруг обернулся и быстро направился прямо к ним.

— Вот он, мордоворот-то, — за спиной сказал Василич, невольно отступая.

Мордатый еще издали начал выкрикивать что-то агрессивное.

— Ты все еще не выкинул эту дрянь, а, Василич? Я тебе когда сказал его закопать, хорош

здесь инфекцию разносить, тварь!!!

Антон почувствовал, как у него защипало в носу и в то же время нащупал в кармане баллончик со слезоточивым газом. Мордоворот подскочил и кинулся на Василича с кулаками.

— У нас тут что, благотворительное собрание?! Ты че за территорией не следишь, дерьмо собачье, мы тебе за что деньги платим?!

— Так он живой, етить-молотить, — растерянно отвечал Василич, — нешто я живую скотинку в землю захороню?...

— Вчера еще утопить надо было или башку повернуть! Я не потерплю в собственном дворе...

— Тебе надо, ты и топи. Ирод, — буркнул Василич, бросив взгляд на Антона, — вон пацан, может, забрать его хочет.

Мордоворот с хрипом выпустил воздух, повернулся и только сейчас заметил Антона. Маленькие, заплывшие свиным жиром глазки, как будто снова налились кровью.

— А ну сыпь отсюда, — сквозь зубы рявкнул он, — санитар леса. К мамке беги.

— Обязательно, дяденька, — тихо произнес Антон и весь собрался, — только вот сейчас шины у твоей волжанки проколю, чтоб под колеса смотрел чаще...

— Чего?! — взревел мордоворот. — Ах ты, сопля...

Мордovorот уже занес кулак, размером с Антонову голову, но Антон был моложе и быстрее.

С силой пнув противника под коленку, Антон увернулся от угрожающей хватки. Баллончик не подвел, и струя едкого газа ударила точно в искаженную яростью свинячью физиономию.

Василич, не скрывая своего восторга, разразился таким красивым потоком нецензурной лексики, что почти заглушил вопли мордатого. Улучив момент, в сторону Антона дворник тихонько шепнул:

— Рви, Тоха...

Под непрекращающиеся проклятия, изрыгаемые рыдающим от боли мордovorотом, Антон схватил собаку и ринулся прочь из негостеприимного двора.

Глотая злые слезы, Антон тащил пса добрые два километра, до ветеринарного пункта. Собаке судя по всему было около года, уже не щенок, и, хотя через шкуру явственно проступали кости, весил пес-подросток прилично. За всю дорогу пес не издал ни звука и лишь однажды лизнул руку Антону. В клинике его встретили серьезные люди в белых халатах, и сначала достаточно жестко с ним разговаривали, как видно, подозревая, что именно Антон виноват в происшествии с собакой.

— Что ж вы не доглядели, молодой человек... сложный перелом, нехороший...

— Он поправится?

— Оперировать надо, — буркнул доктор, — и лечить потом. Долго.

Антон хотя и был практически ребенком, но сразу понял, о чем говорит ветеринар.

— У меня есть деньги.

Антон смотрел с такой надеждой, что ветеринар начал оттаивать.

— Это точно ваша собака?

— Это моя собака, — твердо сказал Антон.

Когда поздно вечером Антон приволок домой забинтованный шерстяной комок без признаков сознания, бережно завернутый в новую дорогую куртку, родители даже не успели его отчитать за позднее время. Выслушав душераздирающую историю о том, как провел сын свой 14-й день рождения (о потасовке с мордоворотом Антон благоразумно умолчал), родители неожиданно для себя в одночасье отrekliсь от принципа «никаких животных в доме» и безоговорочно приняли в семью покалеченного пса, пообещав сыну, что сделают все возможное для его выздоровления.

На следующий день Антон уже вместе с отцом на машине повез Рембо на перевязку.

Доктор, оперировавший Рембо, увидев Антона с отцом и собакой, заметно смягчился. После перевязки, ветеринар потрепал пса по холке.

— Ничего, ничего. Жить будет. Сильная собака и, видно, преданная...

Рембо до сих пор немного хромал, особенно когда много бегал по лесу со своим хозяином. Пес чувствовал настроения хозяина и верил ему безоговорочно, и самым счастливым для него временем были часы, проведенные вместе с Антоном. Антон часто ловил себя на мысли, что с Рембо ему значительно проще и приятнее общаться, чем с большинством людей, окружающих его. «Собаки — они же милейшие люди», — вспоминалось в такие моменты Антону. «А еще собаки верные», — усмехаясь, думал он, пытаясь объяснить собственное нежелание сближаться с кем бы то ни было. Друзей ведь не может быть много. А близких людей и подавно.

* * *

В силках запутался крошечный козленок, он бился, не понимая, что мешает ему продолжить путь. Рядом стояла взрослая поджарая коза, угрожающе встряхивала косматой бородой и враждебно глядела на Тиану водянистыми раскосыми глазами. Юноша отвел копые в сторону и, наклонившись, осторожно распутал скрученные из лиан веревки, освобождая

маленькие копытца.

Тиану топнул ногой, и козленок, испуганный и все еще недоверчивый, бросился бежать со всех своих неокрепших ног. Мгновение — и он скрылся в густом тростнике. Старая коза уже спешила за ним.

— Так, так.

Обернувшись, Тиану обнаружил прислонившегося к стволу Йавара. По его смуглому лицу бродила торжествующая улыбка, руки были сложены на груди.

— Вот так охотник, ничего не скажешь. Да ты просто дух леса, не иначе...

— Я не убиваю детей, — жестко ответил Тиану, выпрямляясь.

— Даже если твои соплеменники будут умирать от голода, ты пожалеешь всякую тварь, попавшую в твой силок, так ведь? Теперь мне понятно, отчего ты приносишь дичь так редко...

— Разве кто-то умер от голода? Разве я не выполняю свое предназначение? Ты видел, какого размера бывают кабаны, которых я добываю на охоте?...

Йавар примирительно соединил свои ладони.

— Ладно, ладно. То, какой ты ловкий охотник, я не оспариваю. Но ты слишком много задумываешься и все чаще принимаешь не те решения. Берегись, это не лучшая черта для

твоего ремесла...

— А ты для будущего жреца слишком много интересуешься простыми смертными, — Тиану демонстративно вскинул копьё и двинулся прочь, — беги к отцу, в джунглях тебе не место. Тут ведь и ягуары попадаются.

Глава 5. Начало мая. Москва. Арина. Ярослав

«...В греческом зале, в греческом зале... Мышь. Белая...»

Арина давно собиралась заняться своими снами вплотную, кроме того, по истории Древнего мира нужно было подготовить реферат, и Арина решила совместить эти два нужных дела. Для начала она задумала посетить Пушкинский музей изобразительных искусств, вспомнив, что, оказывается, не была там уже года два. Аля снова не смогла поехать, Арина плюнула и отправилась приобщаться к прекрасному в одиночестве. В будни народу в музее было совсем немного, и Арина могла спокойно торчать у любого понравившегося экспоната, сколько душе угодно. Побродив по второму этажу, Арина направила свои стопы в Египетский зал.

Дорогу ей перегородила экскурсия, человек восемь инертных школьников с несчастными физиономиями делали вид, что внимают сухонькой тетке в огромных очках.

— ...посмертная маска юноши. Пятнадцатый век, предположительно тольтеки.

Вдруг с Ариной начало твориться что-то невероятное. Как будто кто-то схватил ее за горло, перекрыв кислород. Ноги стали ватными, в глазах потемнело и единственное, что она видела, это маска юноши, почившего сотни лет назад. Музей наполнился новыми звуками. Где-то шумели люди. Слышался смех, рев и страшный металлический звук, как будто кто-то бьет в гонг. И барабаны... От них почему-то становилось особенно жутко.

— Девушка, вам плохо?

Арина открыла глаза. Она сидела на скамейке в греческом зале, и над ней склонялась пожилая дама в форменной блузке и с бейджиком на груди. «Колунова Галина Ивановна», — автоматически прочитала Арина. Лицо дамы выражало крайнюю степень обеспокоенности.

— Может, водички или корвалольчику?

— Нет, нет, спасибо, — поспешила успокоить добросердечную смотрительницу музея Арина, — голова резко заболела. Я посижу тут немного, не беспокойтесь.

Старушка недоверчиво покачала головой, но настаивать на корвалоле не стала и отошла к своему посту, удерживая Арину в поле зрения.

Арина схватилась за голову, как будто это могло помочь удержать ее в равновесии.

— Что это?! Я схожу с ума? Так резко, ни с того, ни с сего?...

Перед глазами плыли круги, принимая странные очертания. Снова пирамиды, как во сне. Лестница, череда бесконечных ступеней, залитых чем-то темно-красным... Джунгли. Снова река. И над всем этим лицо незнакомца, преследующего ее на протяжении последних трех недель.

Посидев, как ей показалось, совсем немного, на скамеечке в греческом дворике, Арина пришла к выводу, что пора бы перестать смущать пожилую служительницу. Помахав на прощание доброй женщине рукой, Арина бодрым шагом направилась к выходу, но внезапно замерла, упершись невидящим взором в статую Гермеса. А где же та маска? «И вообще, при чем тут тольтеки, я же в греческом зале? — с ужасом подумала Арина. — Стоп, а почему я в греческом зале? Я же точно помню, шла к египтянам, почему я снова здесь? Ну, точно, кранты».

Свежий воздух надежд не оправдал. Не успев вдохнуть живительной прохлады, Арина снова

ощутила нехватку кислорода. Дыхание банальным образом перехватило, как у какой-нибудь тургеневской барышни. Галлюцинации стремительно перерастали в стадию острого психоза.

Возле колонны стоял давешний темноволосый парень, с тревожными глазами. Прежняя Арина смутилась бы и очень быстро ретировалась, возможно, даже бегом и, возможно, в сторону отделения полиции, так как до смерти боялась психов. Но, как видно, собственное психическое расстройство сделало свое дело. Она глубоко вздохнула, сделала шаг в сторону парня и посмотрела в черные глаза.

— Я вас знаю, — тихо, но твердо произнесла Арина, удивляясь собственному спокойствию. Не хватало еще с маньяками дружбу заводить.

Парень кивнул. Или ей показалось, или в темных глазах промелькнуло облегчение.

— Только я не понимаю откуда.

Парень снова кивнул.

— Я могу рассказать.

Голос оказался низкий, чуть с хрипотцой. Вообще, когда странный незнакомец наконец заговорил, у Арины начисто пропало ощущение, что он ненормальный. Хотя на деле могло оказаться, что это просто инстинкт самосохранения приказал долго жить.

Сидя напротив молодого человека в кафе, Арина наконец смогла подробно его рассмотреть. Представился он неудобным именем Ярослав. Арине имя сразу не понравилось, в остальном молодой человек был безупречен. Он был старше Арины, это совершенно очевидно, кроме того, новый знакомый вскользь упомянул о том, что университет у него остался далеко позади. Глаза, оказавшиеся просто темно-карими, уже перестали ее пугать, да и смотрели они сегодня совсем по-другому. Теперь, когда Арина приняла решение не бояться, она смело могла признать, что парень действительно очень красив. Даже слишком. Длинные пальцы, ровная, немного смуглая кожа, хорошая осанка, вообще, назвавший себя Ярославом, категорически выделялся из толпы. Арина с удивлением отметила, что, пожалуй, Аля права, и таких экземпляров сама она видела разве что в голливудских фильмах. В довершение всех бед или, по крайней мере, странностей этого знакомства Арина не могла отделаться от ощущения, что где-то его уже встречала и раньше. Кроме недавних галлюцинаций, конечно.

Между тем, разговор тоже получался странный.

Молодой человек откинулся на спинку стула и задумчиво протянул:

— Мда, на одном природном магнетизме

далеко не уедешь... Понятно, что ты мне не поверишь вот так, сразу... Прости, я сразу перешел на «ты», если не возражаешь, так мне кажется удобнее.

Арина кивнула, глядя исподлобья. Новый знакомый удовлетворенно кивнул и сунул руку за пазуху.

— Думаю, начать нужно так, — Ярослав протянул Арине паспорт в мягкой кожаной обложке, — держи. Права там же. Можешь переписать или сфотографировать и отправить родителям или подруге. В розыске не числюсь, на учете не состою.

Арина открыла документ. «Ярослав Димитриевич Лаер, 20.08.1987 года рождения». Мать Божья, еще и Димитриевич... Шикарно. Все одно к одному, даже место рождения не как у людей, например, прозаично, как у Арины и нескольких миллионов граждан, «г. Москва», или там «дер. Петрухино Моск. обл.», так нет же. «Федеративная Республика Германия, г. Мюнхен».

— Ознакомилась?

Арина вернула паспорт владельцу.

— Почему так сложно?

— Мой отец наполовину болгарин, на четверть немец. Работал в ФРГ, там и я родился.

— Болгарин? На Филиппа Киркорова ты совсем не похож.

— Не все болгары выглядят как Филипп Киркоров.

Арина вздохнула и решительно допила чай.

— Допустим, я убедилась, что ты не маньяк и не мошенник. Данные твои — липовые или настоящие — подруге отправила. Давай ближе к делу, а то меня начинает нервная дрожь пробирать.

— Хорошо, только начни ты. Расскажи подробнее, что необычного с тобой произошло за последние... ээ... скажем, пару месяцев.

Арина задумалась. Олег ее бросил в последние два месяца. Странного, может, в этом ничего и нет, но временной отрезок тот же. Краешком сознания Арина отметила, что воспоминания об Олеге ушли куда-то на задний план. Бросил-не бросил. Не важно. Арина пожала плечами.

— Кроме того, что ты вторую неделю ходишь за мной, как хвост, я и не припомню толком ничего.

Ярослав проигнорировал Аринин ехидный выпад и нетерпеливо подсказал:

— А сны? Тебе снятся странные сны, не так ли?

— Бывает. Пожалуй, да. Стала чаще видеть сны, верно подмечено. Я, правда, всегда считала, что это нормально...

— Это у кого как. И что же ты видишь?

— Пирамиды... Не египетские, а такие

низкие, с усеченным верхом. Как в Мексике, наверное. Небо. Океан. Люди какие-то, лица... незнакомые. И реку вижу... Река снится очень часто, это один из самых странных снов. Но я просто плавать не умею и воды боюсь...

Ярослав смотрел на свои пальцы, медленно кивая в такт словам Арины.

— А сегодня в музее у меня случился обморок. Или что-то в этом духе. Давление что ли упало, не знаю. Я, вообще-то, гипотоник... И я вспомнила твое лицо. Только немного по-другому, как будто бы не сейчас...украшения...волосы длиннее...и звук. Барабаны. Очень страшный звук...

Ярослав еще раз кивнул и придвинул к Арине симпатичный чайник, накрытый вместо крышки половинкой апельсина.

— Может, тебе лучше кофе? Раз давление упало.

— Ты что, доктор? От кофе мне совсем худо будет, я его не переношу почему-то... Так что со мной такое? Ты сказал, можешь объяснить?

— Я не доктор. Но объяснить могу. Только в это трудно поверить. Можно вернуться к варианту о психическом расстройстве, хотя вряд ли это тебя успокоит.

— Да уж. Я предпочитаю выслушать твою версию.

— Звучит-то все предельно просто, — Ярослав осторожно взглянул на Арину, как будто опасаясь ее реакции. Темные глаза снова вспыхнули. — К тебе возвращается память.

Арина недоверчиво наклонила голову.

— Я вроде все, что нужно, помню и склерозом не страдаю пока...

— Не эта память. Другая. Прошлая жизнь. Предположим, много-много веков назад, где-то в Америке жила — была девушка, очень похожая на тебя...

Ярослав говорил, и перед глазами Арины снова поплыли знакомые картины.

* * *

— Вечно ты придумываешь... Разве наше место не здесь? Здесь наш дом...

Тиану смотрел куда-то сквозь Рин, в глазах снова появились решимость и отчаяние. Девушке часто казалось, что юноша видит нечто такое, что не удастся разглядеть ни ей, ни кому-то еще. С легкой запинкой Тиану наконец заговорил:

— Мы родились далеко отсюда. Ты сама не раз пыталась выведать у Ясу о том, кто же были наши родители, откуда они пришли и почему оставили нас. Мне не нравится здешний уклад, и я не хочу подчиняться законам, с

которыми не согласен.

— Но что же нам делать?!..

Тиану перевел на девушку спокойный взгляд.

— У нас есть выбор. Мы можем уйти.

Лицо Рин болезненно скривилось.

— А дедушка?... Я не смогу оставить его... И остальные...

— Этот порядок нам не изменить. Но создать свой мы могли бы... Только для этого надо решиться.

* * *

Арина вздрогнула и вернулась в настоящее. Ярослав уже давно замолчал и теперь просто наблюдал за нею, размеренно помешивая свой кофе.

— То есть, если я правильно поняла, — медленно произнесла Арина, — я вспоминаю свое предыдущее существование? И как ты утверждаешь, жила я в Древней Мексике, в каком-то диком племени?

— В целом, как-то так. Только диким я бы его не называл. Это была довольно развитая цивилизация по тем меркам.

— Однако, — выдавила Арина и, заглянув в чашку, потянулась к чайнику. Ярослав ее опередил

и наполнил чашку до краев, — и правда проще поверить в психическое расстройство.

— Я предупреждал. Учитывая твои сегодняшние видения, смею предположить, что на этом оно не остановится. Ты только начинаешь вспоминать. Дальше поверить будет проще.

«Шизофрения тоже, говорят, быстро прогрессирует», — мрачно подумала Арина, а вслух сказала:

— Даже не знаю, что предпочтительнее... Боюсь, мой рассудок пострадает в любом случае.

Ярослав пожал плечами. Отпив кофе, он продолжил свой рассказ.

* * *

Арина слушала Ярослава и продолжала украдкой его рассматривать. Очень необычный человек, кроме того, что фантастически красивый. В новом знакомом чувствовалась скрытая мощь, энергетика, сдерживаемая физической оболочкой. Он производил впечатление сильной, состоявшейся личности, несмотря на свой молодой возраст, и чем-то напоминал дикого зверя. Гепарда, например. Или ягуара. Фантазия Арины разыгралась не на шутку, помимо ее воли.

«И чего он ко мне-то прилип, так ведь и непонятно. Вот бы и правда, влюбился, что

ли... Тогда бы мне все Олеги и красные «Митсубиси» на свете были нипочем. Эх...».

Но чтобы такой персонаж и вдруг заинтересовался совершенно обыкновенной, если не сказать заурядной, Ариной Литвиновой? Увидел раз в метро и незамедлительно впал в амок? Придумал историю про прошлые жизни и теперь вешает лапшу на уши? В это не просто трудно, в это невозможно поверить. Подо всем этим должно быть серьезное основание, конкретное такое второе дно. Арина отбросила романтические бредни и устала на своего визави.

— А ты? Откуда ты вообще взялся? — перешла она в неожиданное наступление. — Ты так много знаешь обо мне, что было, что будет, судя по всему, у тебя большой опыт в этом вопросе. Сам-то ты что помнишь?

Лаер даже бровью не повел.

— Я помню все очень подробно, со своих пятнадцати лет. Я помню детство, отрочество, юность и зрелые годы. Помню лица, голоса. У меня редкий случай, — Ярослав усмехнулся, — такое встречается нечасто. В этом смысле, я уникален.

Арина попыталась все это представить, примерив по своему обыкновению на себя. Получался какой-то хаос.

— И как тебе со всем этим живется?

Ярослав пожал плечами.

— Нормально. Я привык.

Арина молчала, пытаюсь переварить услышанное.

— А почему я помню тебя?

— Скажем так, мы были знакомы, — уклончиво ответил Ярослав.

Арина всегда была фантазеркой, и тут ей явственно почудилось, что Ярослав скрипнул зубами.

— И что, — Арина не удержалась и решила задать самый дурацкий вопрос из возможных, и осторожно взглянула на Ярослава, — я прям такая же?

— Учитывая расовую принадлежность, не совсем. Глаза... кхм... похожи, — Ярослав нахмурился и отвернулся, ища глазами официанта.

— То есть, полной уверенности в том, что я та самая, у тебя нет?

— Исходя из твоих видений, процентов на восемьдесят. Посмотрим. Если ты не возражаешь.

Арина озадаченно нахмурилась.

— Против чего я должна возражать?

— Против того, что я некоторое время буду присутствовать в твоей жизни, — спокойно пояснил Ярослав, — признаться, мне несколько наскучило наблюдать за тобой издалека, хотелось бы более продуктивного общения.

Арина неожиданно смутилась.

— Интересно. А почему ты не подошел сразу? Я же серьезно думала, что меня преследует маньяк, даже в полицию собиралась идти... еще бы чуть-чуть и накатала бы заявление.

— В полицию? — Ярослав вскинул темные брови. — Забавно. Теряю былую легкость... Раньше на меня девушки реагировали немного иначе... Сразу не подошел, потому что должен был убедиться, что ты... такая же, как я. Пару раз я уже ошибался.

Арина снова погрузилась в размышления. Откуда-то из глубин смятенного сознания вынырнул очередной вопрос.

— Ты был в Мексике?

Ярослав пожал плечами.

— И не один раз. И не только в Мексике, я объездил всю Латинскую Америку и часть Северной. С пятнадцати лет у меня было время. Кроме того, моя сфера деятельности позволяет свободно перемещаться по миру.

«Наркодилер, — ухнуло в мозгу у испуганной Арины. — Или даже, наркобарон. Вот и Мексика в струю... Нет, для барона, пожалуй, слишком молодой. Но для дилера самое оно».

Арина в своей жизни с криминалом как-то не сталкивалась, и все ее познания в области торговли оружием и наркотиками основывались на фильмах Квентина Тарантино и сериале «Глухарь».

Однако вскоре Арина успокоилась, приятный тембр голоса Ярослава постепенно погасил вспыхнувшие подозрения, и Арина даже перестала думать, что новый знакомый хочет протестировать на ней какой-нибудь новый галлюциноген.

— Люди, вспоминаящие свои прошлые существования или «помнящие», обладают рядом схожих особенностей. К примеру могут с большой долей вероятности узнавать друг друга, или, вернее, узнавать в нынешнем воплощении тех, с кем были знакомы или близки когда-то...

«Люди». Послушать Ярослава, так подобное встречается повсеместно. Это совершенно не вязалось с Ариным представлением о строении мира, и она задала следующий вопрос:

— И сколько же нас таких... помнящих? Или, вернее, вспомнивших?

— Немало. Афишировать это спорное свойство памяти не принято, так что нас значительно больше, чем ты можешь себе представить. Степень возврата у всех разная, в основном такие люди помнят какие-то значимые события, отдельные эпизоды предыдущих существований, или как раз людей, которых когда-то знали. Среди помнящих было много известных личностей. Художники, писатели. Климт, Босх, Гойя и другие. Разумеется, учитывая специфику этих явлений, не все смогли сохранить

здравый рассудок. Некоторые пытались вынести свою, кхм, неординарность на всеобщее обозрение, уж очень хотелось поделиться... Те, которые слишком сильно упорствовали, долгое время провели впоследствии в сумасшедшем доме.

Арина попыталась из хаоса, царившего у нее в голове, вычленить хоть что-нибудь дельное. На ум, однако, ничего подходящего не приходило.

— А Дали?

— Про Дали ничего такого не знаю. Думаю, у Дали были другие проблемы...

Арина вдруг спохватилась и, стряхнув наваждение, наконец, заметила, что за окном начинает темнеть. С ужасом взглянув на часы, она внезапно осознала, что в этом кафе они просидели больше двух часов, и за это время она ни разу не подумала о родителях.

— Пора?

Арина нервно кивнула, хватаясь за разрядившийся телефон.

— «Пора» не то слово, мама меня убьет... А может, папа, для разнообразия.

— Так позвони.

Ярослав протянул свой мобильный. Арина дрожащим пальцем набрала домашний номер. Долгое время в трубке царил зловещая тишина, прерываемая длинными противными гудками.

Арина признала свое поражение, нажала отбой и вернула телефон владельцу.

— Ладно, видимо, звезды не тем местом повернулись. Погода хорошая, может, с собакой гуляют... а мобильных я их не помню.

Ярослав молча распахнул перед девушкой дверь на волю.

Вдохнув свежий воздух, Арина как раз собиралась произнести заготовленную фразу о приятном знакомстве и прочем мусоре, однако, не успела.

Ярослав кивнул на блестящий автомобиль, припаркованный на другой стороне улицы.

— Я подвезу.

«Неплохо, — с мрачным удовлетворением думала Арина, утонув в удобном кожаном кресле, — я уже даже не пытаюсь из себя что-то изображать. Этот хмырь вполне может оказаться извращенцем с какой-нибудь дичайшей психопатологией, а мне хоть кол на голове теши. Сажусь в машину к совершенно незнакомому, по сути, человеку, что дальше?...»

— Ты, наверное, обладаешь гипнотическими способностями, — вслух произнесла Арина, — другого оправдания я не могу себе придумать.

— Способностями обладаю, — согласился Ярослав и впервые широко улыбнулся, обнажив ряд

ровных белых зубов, — и, надеюсь, не только гипнотическими. Куда ехать?

— А ты не знаешь, — не удержалась от сарказма Арина.

Ярослав скромно улыбнулся.

— Спросить-то я должен.

Глава 6. Май. Арина

Арина проснулась рано, с приятным ощущением, что сегодня суббота. Полежав минуту в постели, и уже, было, решив повернуться на правый бок и поспать еще пару часиков, девушка вдруг осознала, что никакая сегодня не суббота, а вполне себе четверг, а приятное ощущение связано у нее явно с чем-то другим. Арина попыталась согнать сонливость и прокрутила в голове вчерашний день. Да. Ярослав Лаер. Ее таинственный преследователь. Воспоминания о вчерашнем неоднозначном знакомстве вышли на передний план, заставив Арино сердце некоторое время учащенно биться. При мысли о Ярославе с Арины слетели последние остатки сна, и она решительно отбросила одеяло.

Лихорадочно начищая зубы, Арина вспоминала детали вчерашнего разговора с Ярославом и все больше убеждалась в том, что остро нуждается в постороннем вмешательстве,

хотя бы в какой-то степени подтверждающем гипотезу происходящего с ней. На свежую голову события прошедшего вечера казались совершенно нереальными, и Арина была готова признать их плодом своей безудержной фантазии. И кстати, о Ярославе. Загадочный новый знакомый и тут повел себя не как нормальные люди. Номер телефона не спросил, о встрече не условился. Хотя при этом предупредил, что встреча эта непременно состоится, и даже поинтересовался мнением Арины на сей счет.

«Разумеется, он знает, где я живу и где учусь, — рассуждала Арина по дороге в институт, — но все-таки логичнее было как-то обозначиться, так мне кажется. Или он опять собирается подкарауливать меня в неожиданных местах? Елки зеленые, я же звонила домой с его телефона... Но мобильным все равно мог бы и поинтересоваться». Что-то подсказывало ей, что волноваться на этот счет не стоит, раз сказал, значит, появится. А уж как он это сделает, ее не должно беспокоить.

Арина прошмыгнула мимо Олеговой машины и самого Олега, мирно курящего неподалеку, и устремилась на второй этаж, на лекцию по социологии.

Занятия казались бесконечными, на одном из семинаров Арина на собственном опыте убедилась,

что спать с открытыми глазами можно. Никакой полезной информации за весь учебный день не удалось проникнуть в сознание девушки. Аля пару раз пробовала поинтересоваться, какая муха укусила Арину, но вскоре оставила свои попытки.

После учебы Арина вышла из главного входа и первое, что увидела, это блестящий черный автомобиль прямо напротив крыльца, и Ярослава, невозмутимо стоящего рядом. Быстро попрощавшись с ошеломленной Алей, Арина робко приблизилась. Ярослав отвесил легкий поклон. Темные глаза сегодня смотрели спокойно и чуть насмешливо, и совсем не пугали.

— Я прошу прощения, что не предупредил вчера, что заеду. Если ты не занята, я бы хотел предложить тебе небольшую прогулку, чтобы продолжить наш вчерашний разговор. Потом я отвезу тебя домой. Если ты не возражаешь.

— Какой Версаль, — пробормотала Арина, ощущая себя королевой с выпачканным в шоколаде носом, и милостиво произнесла, невольно подражая интонациям Ярослава: — Не возражаю. Везите.

«Небольшая прогулка» предполагалась по одной из живописных набережных в центре города. Молодые люди погуляли, выпили в кафе кто кофе, кто чаю, и Ярослав продолжил осторожно расспрашивать Арину о ее странных снах и ощущениях. Сегодня Ярослав внес в свой

мобильный и номер сотового, и домашний телефон Арины. Казалось, события развиваются в штатном режиме и входят в какое-то понятное русло, Ярослав уже больше походил на обычного человека, во всяком случае, своим поведением. Правда, тему разговора, да и сам повод общения никак нельзя было назвать заурядным.

* * *

На следующий день, в пятницу, Арину осенило, к кому она должна пойти.

Одно время ее замечательная мама в поиске себя и, вероятно, новых ощущений увлекалась посещением психотерапевтов, гипнотизеров и прочих хиромантов. Среди толпы псевдоученых и целителей попадались на удивление приличные люди, и именно к ним как-то раз и попала Арина. Повод был довольно банальный — в пятнадцать лет участковому врачу сильно надоело Ариново горло, которым она мучилась практически каждый месяц, и докторица рекомендовала маме удалить к шутам Аринины гланды. Маме предложение не понравилось, Арине тем более, и мама потащила Арину к молодой паре психотерапевтов, которые занимались самыми разнообразными проблемами здоровья. Коля с Иррой произвели благоприятное впечатление, гланды оставили Арину в покое, и вот

теперь девушка вспомнила о них. Не о glandax, конечно, а о психотерапевтах. Смутно припоминалось, что кто-то в ту давнюю пору говорил о гипнотическом сне, но сами ли психотерапевты владели этой техникой, или разговор шел о ком-то из их знакомых, Арина, разумеется, не помнила. В любом случае, так рассуждала девушка, если они не смогут помочь, то, возможно, хотя бы посоветуют кого-нибудь из нужной области. По крайней мере, хуже уже точно не будет.

В старой маминой записной книжке сохранился номер телефона психотерапевтов, позвонив по которому, Арина выяснила, что за пять лет он по счастью не изменился. Сами народные целители, правда, переехали и принимали теперь в другом здании, на станции метро «Тульская», возле Свято-Даниловского монастыря. Теперь у них появилась секретарша, бойкая девица по имени Ксюша, что само по себе должно было означать, что дела их процветают. Записавшись на прием и уточнив сумму, полагающуюся к оплате, Арина положила трубку и начала продумывать план действий.

Выходные проскочили незаметно. Ярослав позвонил в субботу, сообщив, что заедет за Ариной в понедельник, и уточнил, во сколько заканчивается последняя пара в ее институте.

Во вторник Арина предупредила маму, что идет к зубному врачу, по понятным причинам решив не посвящать ее в свой замысел. Ярославу девушка вообще ничего не сказала, но уже из несколько иных соображений. Твердо решив разобраться со своей неожиданной проблемой, Арина предполагала, что это будет, так сказать, заход с другой стороны, в котором уже трудно будет усомниться. По крайней мере, в этом не будет участия Ярослава, и это уже хорошо.

Забив на последнюю пару, Арина поехала на Тульскую. Зная свою склонность к топографическому кретинизму, девушка хорошо подготовилась и дома подробно изучила карту местности, чтобы не бегать с вытаращенными глазами по окрестностям.

Здание, в которое переехали экстрасенсы, доверия не внушало. Обшарпанные стены старого, досталинского дома, облупившаяся штукатурка и ржавый козырек крыши навевали смертную тоску, и Арина некоторое время колебалась, входить ли в тяжелую железную дверь. Арина сверилась с картой, убедилась, что попала по нужному адресу, и ступила в непрезентабельное сооружение. За железной дверью, вопреки ожиданиям, все оказалось не так уж плохо. Дом переоборудовали под офисы, между двумя новенькими дверями с

бронзовыми табличками «Фирма «Август» мирно булькал кулер, наверх вела чистая просторная лестница с удобными перилами. Приободрившись, Арина направила свои стопы на второй этаж. Там она наткнулась еще на одну дверь и, позвонив, ответила мелодичному голосу, кто она такая и на какое время записана.

С бешено колотящимся сердцем Арина вошла в приемную. Обладательница мелодичного голоса, хорошенькая блондинка Ксения поулыбалась Арине приятной профессиональной улыбкой и предложила посидеть минутку. Арина с опаской опустилась на белый кожаный диван, примостившись на самом краешке, как будто полагала, что сядь она поудобнее, так тот ее незамедлительно проглотит. Секретарша на пару мгновений скрылась за дверью в кабинет и тут же появилась, улыбаясь еще шире.

— Проходите, вас ждут.

В кабинете Арину порадовали теплые персиковые стены, мягкая мебель и оптимистичные оранжевые занавески. С того момента, как Арина видела пару психотерапевтов в последний раз, Коля и Ира совсем не изменились, разве что Коля в добавок к божьему хвосту носил теперь небольшую аккуратную бородку, а Ира напротив, остригла свои длинные светлые волосы. Арину и ее

гланды специалисты без труда вспомнили, посмеялись и, бегло пробежавшись по последним новостям и общим знакомым, наконец приступили к делу.

Сбивчиво изложив суть проблемы, Арина с надеждой воззрелась на психотерапевтов. Коля замер с загадочным выражением на худом лице. Смотрел он при этом то ли в окно, то ли в глубину шкафа. Ира легко улыбнулась.

— Фантастика. И ты видишь это именно как собственное прошлое или как будто наблюдаешь со стороны?

— Как будто мое. Я вижу события, людей, слышу голоса, смех, еще массу звуков. Некоторое время назад один человек сообщил мне, что это мое предыдущее воплощение, и, дескать, я не сошла с ума, а всего лишь вспоминаю прошлую жизнь. Я слышала, есть специалисты, которые непосредственно занимаются вопросами подсознания, но таких я не знаю. Надеюсь, вы мне чем-то поможете...

Коля задумчиво теребил собственное ухо, по-прежнему созерцая пространство. В серых глазах появился фанатичный блеск.

— Можно попробовать, — наконец сказал он, — обещать, разумеется, ничего не могу, но попробовать стоит.

— Не поняла, — Арина тряхнула головой, —

вы с таким раньше не сталкивались, что ли?

Ира кашлянула и бросила взгляд на мужа.

— Скажем так, конкретно с таким не сталкивались...

— Арина, — мягко проговорил Коля, сверля ее своими удивительными глазами, — мы пытаемся помочь обращающимся к нам людям, используя различные приемы психотерапии, парапсихологии, хатха-йоги и даже космоэнергетики. Случаи попадались разные, техникой гипноза я владею. Непосредственно с вопросом про прошлые жизни к нам не обращались, но это для меня лично очень любопытно. То есть, я смогу погрузить тебя в транс и попробовать пообщаться с твоим подсознанием, а там уж что получится. Ты согласна на такой сценарий?

Арина вздохнула. Ну, что делать. Вроде бы этого она и хотела.

— Согласна.

Коля потер руки.

— Ну-с, тогда садись на диванчик. Приступим.

* * *

— Сдавайся, — весело прорычал Тиану, заламывая руку Йавара за спину.

— Ни за что, — Йавару удалось

вывернуться, освободить руку и ловким движением сбить Тиану с ног, — ну, кто сильнее?

— Конечно, я! — два гибких молодых тела снова переплелись, и непонятно было, кто побеждает на этот раз.

Чуть в стороне, за естественным барьером из кустарника, увитого диким вьюном, стояли Рин и Ясу. Ясу опирался на толстую суковатую палку и курил по обыкновению, Рин теребила браслет, подаренный Тиану, и периодически нервно вздрагивала, бросая взгляд через кустарник.

— Как дети, — небрежно повела плечом Рин, невольно отслеживая движения борющихся. Ей казалось, что Тиану проигрывает. В следующую секунду соотношение сил снова изменилось, и на земле опять оказался Йавар.

— Сохранив душу и глаза ребенка, познаешь мир, как он есть. И обретешь мудрость, — заметил Ясу, не глядя на борцов, — так раньше говаривали.

— По-моему, они ведут себя глупо.

Свившись в клубок, молодые люди катались по сухой земле, издавая приглушенные звуки. В душе девушка опасалась, что их глупая игра вскоре перерастет в настоящую драку и кто-нибудь непременно пострадает. Однако борцы были в

прекрасном настроении и пока боролись совсем несерьезно, стараясь не покалечить друг друга, и чем-то напоминали детенышей ягуара.

* * *

Арина открыла глаза. Три пары глаз смотрели на нее не отрываясь, выражения на лицах варьировались от глубочайшего изумления до легкой паники. Последнее выражение относилось, разумеется, к секретарше Ксюше.

— Что? — Арина потеряла глаза, — не получилось?

— Замечательно все получилось, — удовлетворенно промурлыкал Коля, — ты чаю попей, а я расскажу... Ксюша?

Ксюша кинулась вон и тут же вернулась с чашкой чая и шоколадкой. Арина с благодарностью приняла горячий чай и откусила кусок шоколада.

— Мы все записали, можешь сама оценить...

Арина глубоко вздохнула и приготовилась слушать.

Сначала не было слышно ничего, кроме мерного голоса Коли, монотонно повторяющего на Аринин взгляд какую-то абракадабру. Затем он изменил тональность и начал задавать вопросы.

Раздался второй голос. От неожиданности Арина вздрогнула. Безо всякого сомнения голос принадлежал ей, но что именно она говорила, понять было невозможно.

— Что это? — потрясенным шепотом спросила Арина. Коля подмигнул.

— Понятия не имею. Похоже на какое-то индейское наречие. Слушай дальше...

Голос Коли в записи снова изменил интонацию. Он мягко, но настойчиво предлагал говорить на русском языке. Арина послушалась, и речь из диктофона потекла в знакомом формате, но часто прерывалась, голос срывался на тихий плач.

Прослушав всю запись, Арина попросила еще одну чашку чая.

* * *

— Дедушка, расскажи о маме.

Ясу задумался на мгновение и глубоко вздохнул. С куста вспорхнула маленькая птичка, пометалась и скрылась в лесной чаще. Ясу выпустил клуб дыма, не спеша начинать рассказ. Тема, к которой так часто обращалась Рин, была не то чтобы запретной, но... весьма и весьма неудобной, а для старого колдуна по-настоящему болезненной.

— Я много раз рассказывал тебе о Малиналь. Могу и повторить. Твоя мать была

самым смелым человеком, каких я только знал, — медленно произнес Ясу. Чуть отвернувшись, старик незаметно для Рин смахнул тяжелую слезу. — Сильная, мужественная. Упрямая. Задумав что-то сделать, она всегда оставалась верной себе, и ничто не могло ее переломить... Так и случилось, когда она решила уйти. У нее была цель, и она шла вперед, только вперед... Ты очень похожа на нее, дочка.

— Ты снова уваливаешь и уходишь от ответа, — покачала головой девушка, — я каждый раз слышу от тебя одно и то же. Расскажи, почему она ушла? Куда? Жива ли она теперь?...

Ясу молчал. Рин вздохнула и сердито толкнула камушек, попавшийся ей под ногу.

— Не сердись, дочка. Твоя судьба пойдет по другой тропе, но в чем-то будет схожа с судьбой Малиналь... Ты тоже захочешь уйти. И у тебя будут на то свои причины и своя цель, которой ты подчинишься...

Больше ничего из старого хитреца Рин выудить не удалось, но девушка поклялась себе, что она не отступит и при каждом удобном случае будет выпытывать и собирать по крупинкам новые подробности о матери, ее жизни, ее характере и той неведомой цели, которой посвятила себя почти незнакомая и такая далекая Малиналь.

* * *

Кабинет экстрасенсов Арина покидала в растрепанных чувствах, крепко сжимая в руке диск с записью собственного бормотания. Выбравшись из-за железной двери, Арина вдохнула полной грудью и только сейчас догадалась спрятать диск в сумку. Сидя в кабинете, Арина и не заметила, как на город опустился вечер. Над стенами Даниловского монастыря кружили черные птицы, солнце скрылось за крышами домов. Спohватившись, Арина достала телефон. Тут же посыпались сообщения, кто и сколько раз за это время пытался дозвониться до абонента. Мама звонила два раза, Ярослав — шесть. Арина быстро набрала мамин номер и, вложив в голос максимум убедительности, посетовала, что забыла включить телефон после того, как была у зубного врача. Мама успокоилась, и елейным голосом попросила позвонить молодому человеку по имени Ярослав, дескать, тот ее потерял. Звонить Ярославу Арина не собиралась, но маму заверила, что, конечно же, немедленно перезвонит. Кто такой Ярослав мама, по счастью, пока не спрашивала. На экране уже, впрочем, высветился параллельный звонок: Лаер, как видно, получил уведомление, что абонент снова

в сети.

— Где ты была? Дома тебя нет, телефон отключен.

От неожиданно резкого тона Арина несколько опешила. Вроде на брудершафт не пили, что за гиперопека.

— Зубы лечила, — стараясь подавить ехидство в голосе, ответила Арина, — уже еду домой.

— Ты где территориально?

— На Тульской. Смотрю на дом-корабль.

— Стой, где стоишь.

Возможности возразить Арина не получила, Лаер уже положил трубку.

«Ну и сколько мне тут стоять», — невесело подумала девушка и обернулась. Лавочек не было, и Арина присела на ограждение палисадника. Ситуацию изменить она не могла, поэтому, как это ни противно, оставалось смириться и ждать появления черного принца. Интересно, откуда, собственно, он едет. Будем надеяться, не с того берега моря, и это не займет архимного времени... Арина предавалась сумбурным размышлениям. После посещения экстрасенсов сумятица в ее голове, казалось, достигла своего апогея. Теперь, когда у нее появилось подтверждение того, что она не просто сошла с ума, Арина чувствовала некоторое облегчение. Однако, с другой стороны,

осознание справедливости толкования Ярославом происходящих с ее памятью казусов внушало некоторый трепет. Настораживал и сам факт появления в ее жизни загадочного молодого человека: как ни крути, Ярослав Лаер больше скрывал, нежели рассказывал ей. Сколько тайн и загадок об их прошлом не договаривает этот человек, еще предстояло выяснить и, думая об этом, Арина ощущала неприятный холодок в области желудка.

* * *

Несмотря на мрачные прогнозы, не прошло и десяти минут, как перед унылой Ариной фигурой с визгом затормозил черный автомобиль.

Нехотя сковырнув себя с насеста, Арина передислоцировалась в удобное кожаное кресло. Машина резко взяла с места. Ярослав бросил на Арину мимолетный взгляд и скривил губы.

— И где же ты была на самом деле?

Арина успела отметить, что Лаер заметно ослабил контроль над своей безукоризненной вежливостью, в голосе появились совсем иные, властные ноты. Подавив протест, готовый вырваться наружу, она просто ответила:

— Я была у экстрасенсов. Маме не говори.

Ярослав мрачно кивнул.

— Так я и думал. То есть мне ты, разумеется, не поверила.

Арина дернула плечом, оставив реплику без ответа.

— Ну что ты будешь делать, — черные глаза, вспыхнув, уперлись в лицо Арины, — нельзя было тебе туда ходить.

— А что? Поставят в угол или сразу в сумасшедший дом?

Ярослав только покачал головой.

— Надеюсь, это были не законченные шарлатаны.

— Я хотела убедиться, что не сошла с ума, — упрямо вздернув подбородок, произнесла Арина.

— Ну и как? Убедилась?

— Можно и так сказать, — уклончиво ответила Арина, отводя глаза, — мне дали послушать то, что я наболтала под гипнозом.

— И что же?

От Арины не ускользнуло, что Ярослав явно напрягся и слова даются ему с трудом.

— Я говорила на каком-то птичьем языке... очень странное ощущение, никогда ничего подобного не слышала.

— Разумеется. Язык науатль вряд ли можно назвать общеупотребимым. Еще что?

— Ну, еще я плакала, — смущенно добавила Арина, — что-то там, видно, произошло такое,

никто не понял, что именно... Про реку говорила.

Тем временем, каким-то чудом проскочив пробки, автомобиль уже въезжал во двор Ариного дома. Арина выбралась из машины, вдыхая вечерний воздух. Ярослав захлопнул дверь, пикнул сигнализацией, определенно намереваясь доставить Арину до квартиры.

Возле самой двери Арина остановилась и повернулась лицом к Ярославу.

— И вот еще что. Под гипнозом я много раз повторяла одно и то же. Слова абсолютно незнакомые, но, похоже, что это два мужских имени.

Арина посмотрела Ярославу в глаза.

— Йавар и Тиану.

Произнося последнюю фразу, Арина в изумлении отметила, как губы Ярослава дрогнули и в точности повторили незнакомые имена.

В повисшем молчании Арина и Ярослав некоторое время смотрели друг другу в глаза. В темных глазах плавал жидкий огонь, зеленые с искрой сердито сощурились.

— Ты расскажешь мне, кто они?

Ярослав первым отвел взгляд.

— Думаю, нет. Ты вспомнишь сама, не стоит перенапрягать мозг раньше времени.

Тут Арина разозлилась не на шутку.

— У меня складывается впечатление, что ты

проводишь надо мной какой-то античеловеческий эксперимент и либо постоянно не договариваешь что-то, либо врешь. Фамилия у тебя, кстати, подходящая. Так что сваливать все на заботу о моем психическом здоровье не стоит. Уверена, тебе абсолютно наплевать, что со мной происходит и чем это все закончится для меня в целом и моего рассудка в частности.

Краска сбегала с лица Ярослава. Расцепив сжатые зубы, он медленно заговорил:

— Ты на самом деле считаешь, что мне все равно?

— Ага. У тебя, вероятно, какие-то свои цели, мне неведомые. Куда уж нам, грешным, до вас, принцев на черных «Ауди».

Арина хотела еще добавить что-то о плебейх, но вовремя остановилась, громко фыркнула и отвернулась. Получилось почти как в мексиканском сериале. Просмотрев на заре юности один из них, Арина заметила, что герои мексиканских теленовелл, выясняя отношения, чтобы оказаться лицом к камере, постоянно поворачиваются к оппоненту спиной. Очень занятное зрелище.

— Хорошо, я кое-что расскажу. Йавар и Тиану — это действительно двое мужчин, которые имели к тебе непосредственное отношение.

— Так прямо и ко мне?

— К девушке, имя которой я помню, как

«Рин» или «Риа». Судя по картинам, которые ты видишь, это не просто совпадение, но с уверенностью говорить нельзя. Именно поэтому я не говорю тебе всего, что помню сам. Для чистоты эксперимента я бы предпочел подождать, когда к тебе вернется какая-то часть твоих личных воспоминаний. Такое объяснение тебя удовлетворит?

— Пока да, — милостиво согласилась Арина.

— Уже хорошо. Сейчас уже поздно, а завтра я тебе объясню, почему не стоило ходить к гипнотизерам или к кому там еще.

На этой многообещающей ноте Ярослав протянул руку к кнопке вызова лифта.

* * *

Тревожные вести принес торговец какао-бобов, прибывший на днях. По его словам, белые люди, пришедшие с моря, начали продвижение вглубь джунглей, совсем недалеко от их земель.

— Вам нужно будет уходить, — говорил старик, — так уже было однажды... Белые люди пришли в мой город, и скоро, очень скоро от того города не осталось ничего, кроме огромного пепелища... Их не остановить, наши нынешние земли — это одно из последних уцелевших оплотов коренных жителей, и то,

только благодаря тому, что нас отделяют от остальных земель зловонные болота и непроходимые джунгли... Но и они не смогут вечно сдерживать чужеземцев, не за горами то время, когда они придут и сюда. Единственный шанс — уйти в горы. Там живут мирные племена, они примут вас, их порядки и ритуалы не такие, как наши, их боги не так ненасытны.

Рин и Тиану смотрели на Ясу и не верили собственным ушам. Рин все сильнее и отчаяннее сжимала руку Тиану, как будто та придавала ей мужества. Машинально поглаживая руку девушки, Тиану слушал и понимал, что все, о чем говорит Ясу, созвучно его собственному настроению и жажде действия.

— Когда-то, давным-давно, — продолжал Ясу, выпуская густой терпкий дым, — в город, который считался столицей одной из самых могущественных империй, существовавших когда-либо, пришли белолицые люди, которых поначалу все почитали за сыновей Кецалькоатля. Не стоило обольщаться, это были всего лишь люди, но жрецы пустили их в город, щедро одарили и открыли перед чужеземными гостями все двери... После все они жестоко заплатились за свою глупость.

Ясу поднял тяжелый взгляд на молодых людей.

— Они уже близко. Это жадные, хитрые,

безжалостные завоеватели, для которых нет ничего святого. Они уничтожат наше селение, поработят всех жителей, а жрецов распнут на нашем же жертвенном камне. У них оружие, против которого нам не устоять с копьями и луком. У них чудо-звери, на которых они путешествуют и которые слушаются их, как будто понимают человеческую речь. Уходите, дети мои. Вы должны уйти. Спасти всех жителей не удастся, я пытался говорить со жрецами, но они так же глухи, как были глухи те, что пустили чужеземцев в мой город... Сейчас их заботит только засуха, но то, что придет после нее, гораздо страшнее. Поверьте мне.

Глава 7. Арина. Ярослав

Следующая пара учебных дней ничем не была бы примечательна для Арины, если бы не черный автомобиль, неизменно возникающий после окончания занятий у главного входа. Все самое интересное для девушки начиналось за пределами института. Аля с Эдиком не задавали Арине вопросов, молча наблюдая, как девушка каждый раз садится в черную блестящую машину и уезжает в неизвестном направлении. Арина комментариев пока не давала, и друзья терпеливо ждали, когда та

сама снизойдет хоть до каких-нибудь объяснений.

Ярослав слово сдержал. Встретив Арину после учебы, молодой человек пригласил ее в кафе, намереваясь объяснить, почему нельзя было ходить к сомнительным специалистам, называющим себя психотерапевтами. Официантка приняла заказ и отошла, непроизвольно окинув взглядом Арину, как бы недоумевая, что такой мужчина может делать с соплячкой вроде нее, да еще в приличном месте. Арина подавила нервный смешок и воззрилась на Ярослава, который задумчиво постукивал по столу длинными пальцами, созерцая пространство. Арина в очередной раз обратила внимание на его руки. Будучи достаточно крупными, руки молодого человека выглядели очень гармонично, как, впрочем, и весь Ярослав в целом. Пальцы ровные, длинные, ладонь широкая, настоящая красивая мужская рука, в которой есть и сила и в то же время присутствует некоторое изящество. Звук голоса Ярослава вернул Арину в реальность, и она нехотя оторвалась от изучения пальцев Ярослава, которыми он вдобавок еще и щелкнул перед ее носом, стремясь включить ее сознание.

— Судя по выражению твоего лица, ты вряд ли слышала, что я говорил, поэтому повторяю основное.

Арина удивленно моргнула. Оказывается, Ярослав успел уже что-то сказать, а она в это время

бездумно тарасилась на его холеные пальцы, вот ведь какой конфуз. Что же такое происходит с ее головой, если она отключается, сама не замечая этого?...

— Так вот. Процессы, запускающие механизм воспоминаний о предыдущих существованиях, не изучены и малопонятны, вследствие чего и рождают в определенных кругах всевозможные мифы и легенды. Бытуют различные варианты этих домыслов, и ни один из них не выдерживает ни малейшей критики... Однако, есть люди, а их не один и не двое, поставившие себе целью внести ясность в этот вопрос и применить свои знания для достижения собственных целей... Что? Ты хотела что-то уточнить?

— Я просто ничего не поняла, — честно призналась Арина, пожав плечами, — попроще можно это как-то сформулировать? А то мой голова ни хт...

В этот момент официантка поставила на столик их заказ.

Ярослав поджал губы, подождал, пока девушка отойдет и, отпив кофе, произнес:

— Ээм... ну скажем, группа неких единомышленников ищет рецепт включения памяти по заказу. И предполагает, что некто может что-то об этом знать. Так понятнее?

Арина выглядела совершенно сбитой с толку.

— Слова, в общем, понятны... Я одного не пойму, какой им прок от всего этого?

— Резоны у каждого свои. Одни охотятся за тайными знаниями, давно утерянными, или же за сокровищами более осязаемыми, как, например, древние клады. А иных прочих может интересовать поиск и «включение» памяти таких неоднозначных персоналий, как Гай Юлий Цезарь, Калигула, Наполеон, Распутин, Ленин, Гитлер, наконец... И так далее, насколько хватит фантазии.

Представив себе заново рожденных лидеров далекого и недалекого прошлого, Арина почувствовала, как на затылке поднимаются дыбом волосы.

— Но... этого же нельзя делать!

— Конечно. Это нарушение мировой гармонии и считается преступлением. Поэтому некоторых «выключают» принудительно.

— Э... прям совсем... «выключают»??

— А это уже как получается.

— Так кто же этим занимается?

— Есть такие люди. Не углубляйся в эту тему, просто поверь на слово.

Арина снова замолчала, пытаясь унять сумбур в голове.

— А это прям организация такая? По выслеживанию помнящих?

— Вроде того. Это группа людей.